

новая книга избранных
писем счастья **Дмитрия Быкова**

ЗА РАЗНЫЕ ГОДЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ПЕТРА САРУХАНОВА

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Заразные ГОДЫ

«Читая письма счастья, вспоминаешь
недавнюю и самую новую историю
России, творившуюся на
наших глазах и даже
с нашим участием».

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Заразные годы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Быков Д. Л.

Заразные годы / Д. Л. Быков — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101283-0

«Заразные годы» – новая книга избранных писем счастья Дмитрия Быкова за разные годы. Мало кто помнит, что жанр злободневной поэтической колонки начался еще в огоньковский период автора. С тех пор прошло уже больше 20 лет: письма счастья перекочевали в «Новую газету» и стали ассоциироваться только с ней. За эти годы жанр не надоел ни автору, ни читателям – что еще нужно, чтобы подтвердить знак качества? В книгу «Заразные годы» войдут колонки последних лет и уже признанные шедевры: троянский конь украинской истории, приезд Трампа в Москву, вечный русский тандем, а также колонки, которые многие не читали совсем или читали когда-то очень давно и успели забыть – к ним будет дан краткий исторический комментарий. Читая письма счастья, вспоминаешь недавнюю и самую новую историю России, творившуюся на наших глазах и даже с нашим участием.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101283-0

© Быков Д. Л., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

От автора	7
Огоньковский период	8
Юбиляр	8
Чрезвычайная ода	10
Битва титанов	11
Наказанное корыстолюбие, или Блудный отец	14
Разбор полетов	16
Сдача	18
Пара крутых	21
Подавившиеся лимоном	23
Тайна пола	25
Послание к Ирине Хакамаде, как если бы она домогалась моей любви	26
Какой ты!	28
Юбилейный разговор с товарищем Андроповым	30
Песнь о вещем Владимире	31
Зеленый друг	33
Инаугурант Буш	34
Неправильная победа	36
Присяга	37
Баллада о бедной армии	38
Кока-кома	39
Раздача осла	40
Пропавшая грамота	41
Под спуном	42
Пятьдесят поросят	43
Ода борьбе	44
Нулевой рэп	45
Корабль «Электрон»	46
Развод	47
Московский марш	48
Хотят и могут	49
Кони привередливые	50
Родиться вновь!	51
Моление о сале	52
Желание быть двойным	53
Сам себе Горбачев	54
Божий спирт	55
Подражание Вознесенскому	56
Памятник	57
Отключенные	58
Коэльо едет	59
За всех!	60
Флаг в руки	61
Девиантная рота	62
Анафема	63

Грызуны	64
Китайский синдром	65
Чуянка	66
Даешь!	67
По кругу	68
Некуршевель	69
Просьба о снеге	70
Черта особенности	71
Не по лжи!	72
Понаезд	73
Любовь и газ	74
Большая элегия Анатолию Чубайсу	75
Стихи о российском паспорте	76
Welcome!	77
Наша жена	78
День левши	79
Нянчить!	80
Московская казачья	81
Великий пост	82
Парадиз	83
Ода симметрии	84
Баллада о клизме	86
Правоправила	88
Читай!	89
Трудармия	90
Маршеобразное	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Дмитрий Быков

Заразные годы

© Быков Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

От автора

Название «Заразные годы» появилось случайно. Издатель спросил: вы хотите собрать последние тексты или за разные годы? Вот оно, подумал я. Самое точное определение прожитого двадцатилетия. И самое ужасное, что перезаразились не только все мы, но и значительная часть внешнего мира. Автор не претендует на изобретение антибиотика от этой заразы, но ему кажется, что он несколько облегчит читателю течение болезни.

Сочинять эти так называемые Письма счастья – ведь лирика всегда письмо о счастье и всегда в никуда – я начал в середине девяностых для «Собеседника», там они выходили под рубрикой «Герой недели». Потом перенес эту рубрику в «Огонек», оставив в «Собеседнике» героя. Наконец, после очередного переформатирования «Огонька», я попросился в «Новую газету», которую часто ругал, но всегда уважал. Спасибо им, они меня приняли и терпят до сих пор.

Естественно, эти стихотворные фельетоны подверглись отбору, но большинство из них, как я убедился, не устареет. Писать о Путине – кратчайший путь в вечность: любовь проходит, а Путин – никогда.

С годами эти стихи стали серьезнее и вообще все больше походят на лирику. В стихах органичней получается эопова речь, там можешь сказать больше и точнее. Кроме того, чем пускать стихи в серьезную лирику, всегда лучше иметь отводной канал для политической. Вообще мне кажется, что реагировать на политику для поэта естественно: именно она – концентрированное выражение общественной морали. И еще – эти еженедельные (иногда и чаще) поэтические экзерсисы держали меня в тонусе. Чтобы писать время от времени настоящие стихи о смысле жизни, неплохо бывает накачивать мускулы, тренироваться и вообще время от времени вызывать вдохновение. Врут, что его нельзя вызвать. Если у вас дедлайн и каждые десять минут зовет ответсек – вдохновение хочет не хочет, а явится.

Эту книгу составила и прокомментировала Катя Кевхишвили, спасибо ей за это. Последние стихи мы оставили без комментариев, ибо поводы еще свежи в памяти. Спасибо Юрию Пилипенко и Дмитрию Муратову, которые все это терпели, печатали и никогда ни в едином слове не цензурировали. Будем надеяться, что наши нехитрые радости в эти заразные годы помогли нам дожить до незаразных – и даже слегка приблизить их.

Дмитрий Быков

Огоньковский период

Юбиляр

Июнь 1999 года. Двухсотлетие Пушкина.

Виват! Пред славным юбилеем
Страна трудилась день-деньской.
Залит отборнейшим елеем
Кумир зеленый на Тверской,
Кумиру чистят бакенбарды,
Палят из пушек, жгут петарды,
Над кучерявой головой
Виется дым пороховой,
И всё родное Хаммурапи —
Дядя без правил, голь, ворье,
Семья и присные ее, —
Повисли на одном арапе:
Вцепились с воплем «Погоняй!»
И мыслят ехать прямо в рай.

**И с кепкой мэр, и Лебедь Саша,
И первых вице череда
Кричат: он наше все! он наше!
Все, да не ваше, господа.**
И мэр, и нищий в переходе
Равно чужды его природе;
И от братка, и от бомжа
Он отвернулся бы, дрожа.
И русопят, и гордый горец,
И воин, что пред ним дрожит,
И профессиональный жид,

И самоучка-жидоборец —
Все чернь. А впрочем, белизна
У нас не менее грязна.

Но наш поэт, любивший славу,
Не отказался б от венка.
Ему, я думаю, по нраву,
Что треплют лавры старика,
Что не на нужды жизни низкой
Собирают денежку подпиской,
А на издание плодов
Его михайловских трудов,
Что новое запомнит слово

Юнец, который в двадцать лет
Знал только слово «Интернет»;
И наконец, что не Лужкова,
Не Коха, не Бородина
Так пышно чествует страна.

Прости, поэт. Но если после
Всех этих воплей и пальбы
Души, коснеющей в коросте,
Коснется жар твоей судьбы,
И тот, кто был тупой скотиной,
Запомнит только звук единый,
И слово сможет уколоть
Его жиреющую плоть,
И тайным веяньем иного,
Таинственного бытия
Строка единая твоя
Иль хоть единственное слово
Смутит царей, проймет псарей, —
Не зря и этот юбилей.

Чрезвычайная ода

Пока вокруг опасности таятся
И вся страна дежурит до шести,
Министра чрезвычайных ситуаций
Хочу воспеть и к власти привести.
Но так как я придумать рифму к «Шойгу»
При всем своем таланте не могу,
То вместо установленного «Шойгу»
Я буду называть его «Шойгú».

**Отечество мое, как идиота,
Приходится спасать сто раз на дню.
Здесь есть одним спасателям работа —
Все прочие давно пошли ко дну.**
Упал ли дом, нашли в крупе взрывчатку,
Жарою выжгло тундру и тайгу,
Без топлива оставили Камчатку —
Везде спешат спасатели Шойгу!
Старик забыл, где выход из сортира,
Ребенок ли объелся творогу,
Открылся свиц, закрылась ли квартира —
К тебе спешат спасатели Шойгу!
В моей стране, где даже к честной власти
Относятся как к злейшему врагу,
Исправить ситуацию отчасти
Способны лишь спасатели Шойгу!

Поэтому пора, не отлагая
До будущего лета этих дел,
Избрать его, Отчизна дорогая,
Чтоб он один тобою овладел.
Его ребят я не устану славить,
Его бойцам – приветствия писать...
Америкой, быть может, можно править,
Но Родину давно пора спасать.

Битва титанов

Октябрь 1999 года. Информационная война Гусинского с Березовским, Семьи с ОВР, «Итогов» с «Программой Сергея Доренко».

На авансцену выходит Сергей Доренко с противотанковым ружьем. Следом за ним из-за кулисы Евгений Киселев выкатывает тяжелую шарманку.

Доренко (*аккомпанируя на противотанковом ружье*)

Лужков – супруг своей жены,
Он муж Батуриной Елены,
И все Батурины страны —
Его семьи огромной члены!
Никто доселе не раздул
Разоблачения такого!
Мне кнопку бросили на стул,
И это происки Лужкова!

Киселев (*заводя шарманку*)

А Ельцин старый и больной,
Он стал посмешищем для мира,
Четвертый год рулят страной
Его семья и два банкира!
Один – Роман, другой – Мамут,
Татьяна их гоняет шваброй...
Меня, наверное, убьют
За то, что я ужасно храбрый!

Доренко (*стреляя в воздух*)

Лужков привык грозить Кремлю,
Прикрывшись честною личиной!
Его я в Африку сошлю,
Переодев его мужчиной!
Лужков и Пакколи – друзья.
Мэр не сказал о том ни слова.
В Испании объелся я,
И это происки Лужкова!

Киселев (*крутя шарманку*)

А Ельцин старый и больной,
Системный кризис абсолютен,
Правитель нужен нам иной,
И до весны сгодится Путин,
А там «Отечества» отцы

Народ возглавят очумелый...
Боюсь, что мне придут концы
За то, что я ужасно смелый!

Доренко (*разражаясь градом выстрелов*)

Лужков – чудило из чудил.
Кот испугался попугая!
Сначала дело возбудил,
За клевету меня ругая,
Но после двух недель возни
Его закрыли бестолково.
Я на свободе, черт возьми,
И это происки Лужкова!

Киселев (*вертя ручку*)

А Ельцин старый и больной!
Он говорит с ужасным хрипом!
Помимо всяких параной,
Он третий год болеет гриппом!
Отшибло ум у старика,
Он разгребает хлам бумажный...
Меня убьют наверняка
За то, что я такой отважный!

Доренко (*стреляя*)

Лужков – пахан и крестный дон!

Киселев (*играя*)

Дьяченко – в роли кардинальши!

Доренко

Услать Лужкова за кордон!

Киселев

Отправить Ельцина подальше!

Доренко

Московской мафии – капут!

Киселев

Семья к отплытию готова!

Меня убьют! Меня убьют!

Доренко

И это происки Лужкова!

Наказанное корыстолюбие, или Блудный отец

Нравоучительная драма XVIII века, писанная в зарождающемся XXI.

Действующие лица:

Блудный отец – мужчина с характерной внешностью, лет пятидесяти. Быстрая речь, бегающие глазки.

Добродетельный сын – мужчина лет сорока пяти с губастым, открытым и честным лицом.

Блудный отец

Внемли, жестокий сын моих мохнатых чресел!
Почто ты на меня ярлык врага навесил?
Почто не обратишь губастого лица
Ты в сторону меня, несчастного отца?

Добродетельный сын

Нет, ворон, я не твой! С упрямством ишачиным
Меня, главу страны, ты называешь сыном.
Дитя я органов и доблестной Семьи,
Но эти органы, папаша, не твои!

Блудный отец

Помилуй, дитяtko! В семье признали сами —
Я создавал тебя вот этими руками!
Ты плод моих трудов, моих костей и жил,
А сколько долларов в тебя я заложил!

Добродетельный сын

Ты деньги на меня давал по доброй воле.
А чем ты нажил их? Трудом полезным, что ли?
Спасибо же скажи, что я еще слегка
Даю тебе давно уместного пинка.

Блудный отец (*бурно жестикулируя*)

Нет, вы послушайте! О боже, боже правый!
Не я ли год назад вскормил тебя «Андавой»?
Не я ли, сколотив «Единство», сбился с ног?
О да, я воровал – но для тебя, сынок!
Кристалльный, как Прудон, расчетливый, как Струве,
Я все, что добывал, тащил тебе же в клюве!
Я первые твои купил тебе штаны,
А ты меня теперь погонишь из страны!

Добродетельный сын

Ты мне купил штаны помимо всяких правил,
А скольких россиян ты без штанов оставил?
Ужели веришь ты, что за твои штаны
Все власти потакать тебе обречены?
Беги, ты мне никто! Скажи еще спасибо,
Что ты наказан днесь не стройками Запсиба
И не Чукоткою, как твой дружок Роман,
А выслан за рубеж и прячешься в туман!

Блудный отец (*глумливо*)

А если рассказать стране и правосудью,
Как я тебя кормил вот этой самой грудью?
А если я скажу ликующей толпе
Всю правду про тебя, про Таню и тэ пэ?
Когда ты не вернешь мне прежних предпочтений,
Я столько соберу таких пресс-конференций,
Что книги Коржика, чтоб был он так здоров,
Тебе покажутся вкусом комаров!

Добродетельный сын (*с достоинством*)

Да, это аргумент расчетливый и скотский.
Но помнишь – за рубеж был выслан некто Троцкий?
Он тоже был хитер и временами груб,
Однако на него нашелся ледоруб!

Блудный отец

О, нечестивый сын! Кому грозишь ты плахой?
Куда, куда меня ты посылаешь?!

Добродетельный сын

К черту!

А вы запомните, блудливые отцы:
Вас тоже могут ждать подобные концы.

Разбор полетов

Июнь 2001 года. Арест Владимира Гусинского после недавней истории с таинственным исчезновением и столь же таинственным обнаружением Андрея Бабицкого.

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. Путин нервно ходит по ковру. На ковре перед ним – вызванные на разбор полетов Рушайло, Патрушев и Устинов.

Путин

Это что же вы творите, сукины сыны?
В США и в Лондон-сити все потрясены!
Говорят, что я свободу прессы удушил
И российскому народу хавальник зашил!
Я ж велел вам только прессу мягко уломать,
Не теряя политесу, шлеп же вашу мать!
Вы ж Бабицкого ломали, как тайфун – тростник!
Нешто вы не понимали, резник и мясник?!

Силовики (*хором*)

Ну, пускай наполовинку пережали пресс —
Нам же все-таки в новинку этот политес!
Не чуждайся нашей дружбы и не обессудь:
Мы ведь все ж таки спецслужбы, а не кто-нибудь!

Путин

Ну, Бабицкого прощу хоть. Но налет на «Мост»?!
Я же вас просил прощупать, потянуть за хвост,
Но устроить маски-шоу посреди Москвы —
Это, братцы, по-большому мне наклали вы!
Можно было компроматом рожи им намять,
Но нельзя же автоматом, шлеп же вашу мать!

Силовики

Ну допустим, ну а фиг ли? Тут же враг кругом!
Мы же, Вова, не привыкли цацкаться с врагом!
Так что мы не виноваты, зря не голоси:
Мы ж ведь все-таки солдаты, а не хрен соси!

Путин

Что же мне, раздать награды? Ручки вам пожать?
Ну Гусинского-то, гады, кто велел сажать?
Я ж сказал – пугнуть немного. Дескать, доконал.
У него ж, у демагога, собственный канал!

Тут про эту предварилку воеет целый свет!
Я ж сказал – «Загнать в бутылку», а в Бутырку – нет!

Силовики

Что он тут торчал, как цаца, грязью нас полив?
Пусть он едет издеваться на фиг в Тель-Авив!
Пред тобой, Вован, мы чисты, или нет, чисты,
Мы ж ведь все-таки чекисты, ровно как и ты!

Путин

Да, конечно, это суки, сволочи, враги —
Но ведь нам связали руки внешние долги!
Запад как о троглодите воеет обо мне!
Вы уж все-таки блюдите видимость вовне!

Чтобы мы хотя б снаружи, гляючи в упор,
Были все-таки не хуже, чем до этих пор!
Занимайтесь тут хоть сыском, жмите всю печать,
Но кончайте вы с Гусинским!

Силовики (*радостно*)

Стало быть, кончать?!

Путин (*с досадой*)

Да к чему же нам расправа, пытки и бои?
Эк у вас зудит-то, право, приткие мои!
Пусть бы он на волю вышел, шлеп же вашу мать,
Пусть бы я о нем не слышал дней хотя бы пять!

Силовики (*с готовностью*)

Мы, быть может, грубоваты, выжжены в борьбе,
Но, однако, мы – солдаты, верные тебе!
И тебе даем мы слово: про него, жида,
Ты не будешь слышать, Вова, больше никогда!

Бросаются к Путину и отрывают ему уши.

Сдача

Июль 2001 года. Югославия во главе с Воиславом Коштуницей сдала Слободана Милошевича Гаагскому военному трибуналу.

Члены правительства (*шепотом, Джинджичу*)

Смелей! Решайся, ренегат,
Ослица Буридана!

Джинджич (*неуверенно*)

Воислав! Вишь, какой расклад...
Мы сдали Слободана.

Коштуница

Ну, блин! Не жизнь, а волшебство.
Скандалы на скандале!
Кто согласился взять его
И что за это дали?

Джинджич

Да на него еще когда
Прислали нам бумаги!
Короче, мы сказали «да» —
И он теперь в Гааге.

Коштуница (*бледнея*)

Не может быть! Да ты в уме?!
Отдать в Гаагу Слобо!
Теперь мы все в таком дерьме!
И вы! А я – особо!

Джинджич

Ты знаешь, я подумал тут...
Он, знаешь, шизофреник,
А нам сказали, что дадут
За это много денег!

Коштуница

Ух, как взъярится большинство!
Скажи мне, ради бога:
Вы, значит, продали его?

Джинджич

Но денег правда много.

Коштуница (*остывая*)

Весь мир теперь остынет к нам...

Джинджич

Воислав, это враки.

Коштуница

Да он с собой покончит там!

Джинджич

Воислав, это вряд ли.

Коштуница

И как я мог не уследить?!
Мне что теперь – убиться?

Джинджич

Но не самим же нам судить
Народного любимца!

Коштуница (*с тоской*)

Теперь начнется крик, скандал,
И шум, и тьма кромешна...
Но я не знал! Ведь я не знал?

Совет министров (*хором*)

Не знал! Не знал, конечно!

Коштуница (*примиренно*)

Мне лишь Отчизна дорога!
Я чужд угрюмой злобы!
А денег много?

Совет министров

До фига!

Коштуница

Но я не знал?

Джинджич

Еще бы!

Пара крутых

В октябре 2001 года Путин встретился с Бушем.

Буш

Мой друг Владимир...

Путин

Можно Вова.

Буш

Любезный друг, не всем дано
Понять друг друга с полуслова,
Но я-то понял вас давно.
Вступив на верную дорогу,
Вы сильно радуете нас.
Ведь демократия, ей-богу,
Всем надоела двадцать раз!

Путин

Любезный Джорджи!

Буш

Можно Жора.

Путин

И мы признаться вам должны,
Что доигрались до упора
В развале собственной страны.
Мог презирать любой узбек нас,
Про молдаван не говоря...
Какая, блин, политкорректность!
Россия требует царя!

Буш

Я знал, что мы пойдем друг друга.
Я знал, что мы друг другу в масть.
Народы наши от испуга
Хотят лизать любую власть.

Путин

И как тут, Жора, ни крутись ты —
Поверь общественной нужде:
Когда приходят террористы,
Страна нуждается в вожде!

Буш

Признаться, Вова, не пора ли —
Скажу, как русскому царю:
Нас очень вовремя избрали!

Путин

И я про то же говорю!
Настало время нашей роты
Творить активное добро.
Что, кстати, думаешь про ПРО ты?

Буш

Оставь, мой друг! Какое ПРО!
Тому залог мои седины —
Об этом я давно умолк.
Теперь должны мы быть едины.
Тебе не нужно денег в долг?

Путин

Не надо, справимся легко мы.
Страна не зря горда собой.
Нужны ль тебе аэродромы?
Бери, пожалуйста, любой!

Буш

Давай, мой друг, поднимем знамя
Защиты вольности и прав!
И кстати, Вова... между нами...
В Чечне ты был, похоже, прав.

Хором

Гордитесь Путиным и Бушем,
Вовсю выпячивайте грудь!
Весь мир исламский мы разрушим.
Кто был ничем – ничем и будь!

Подавившиеся лимоном

В июле 2002 года состоялся суд над Эдуардом Лимоновым.

Отечество судит писателя вновь,
Причем на закрытом процессе.
Писательство портит и нервы, и кровь.
Оно из опасных профессий.

Состряпанных белыми нитками дел
Немало в российских анналах:
Сидел Чернышевский, и Горький сидел —
Поэтому мир и узнал их.

Сидел Достоевский, и – горе уму!—
Бывал Грибоед под арестом.
Под стражей Тургенев задумал «Муму»,
Что стала его манифестом.

Кобылин сидел, и сидел Мандельштам,
Клеймивший опричников смело:
Он встретить бы мог и Шаламова там —
Писателей много сидело.

**Российский Парнас – это смрадный подвал,
Россия – страна неурядиц:
И Пушкин – вы помните – в ссылке бывал,
И Бродский сидел, туineaдец...**

Но судей Лимонов приводит в экстаз:
Всех прочих уделал Лимонов!
Писателей брали в России не раз,
Но брали, увы, без ОМОНов.

Должно быть, Лимонов – писатель крутой,
Не зря он попал на скрижали!
Зато уж Толстой – это полный отстой:
Его никогда не сажали.

Уж как он хотел посидеть, говорят,
Уж как он того добивался —
А все ж не попал в этот доблестный ряд,
Тогда как Лимонов – прорвался.

И ты не в обиде, российская власть,
И вы, доносители-шкуры:
Когда вам еще доведется попасть

В историю литературы?

Тайна пола

В мае 2003 года в Россию приехал Пол Маккартни. И его принял у себя Владимир Путин.

Страна была поражена: в субботу Путин принял Пола. Там были Пол, его жена и скромный гид мужского пола. Ловила жадно вся Москва беседы важные детали, но только общие слова до русской прессы долетали. О чем был главный разговор – гадать могли бы до утра мы, когда бы благородный вор нам не представил стенограммы.

Путин

Привет вам, милые, привет! Давно хочу спросить у Пола – без телекамер, без газет и вообще без протокола: вас обожало большинство, и меньшинство любило прочно – ваш рейтинг больше моего...

Пол

Не может быть!

Путин (*хмуро*)

Проверил, точно. Мой – семьдесят, битловский – сто. Не веришь – спросишь у Суркова. И вот хочу спросить: за что? Чего вы сделали такого?

Маккартни (*чувствуя себя виноватым*)

Я ничего не делал, сэр! Мы просто музыку лабали! Я – на гитаре, например, а Ринго Старр – на барабане.

Путин (*начиная сердиться*)

Мы много книг про вас прочли! Не надо с нами, как с ослами! Не замирили вы Чечни, Березу в Лондон не сослали, не поднимали ВВП, телемостов не проводили – а только шлялись и т.п. по этой вашей Пикадилли. Ну там концертник, ну другой... Но извини – у нас в России Газманов левою ногой писал бы песенки такие! А как Кобзон у нас поет? Включи любую передачу – и сразу видно: патриот! А вы что пели? Чушь собачью! Мне переводчик перевел – там слабо с уровнем моральным. Сравни ты эти песни, Пол, с моим посланьем федеральным – легко поймет любой дурак, что я владею словом метким. А все же хлопали не так! Не так, как вашим шансонеткам! Я даже пенсии плачу, я в Грозном одержал победу, когда куда-то не лечу – так, значит, я куда-то еду... Кому ты пенсии даешь? Кому, скажи? Не прячь глаза-то! Ты все про йестеди поешь, а я – про радостное завтра! Так объясни же, отчего на всей земле на самом деле твой рейтинг выше моего?

Маккартни (*испуганно*)

Не знаю, сэр! Мы просто пели...

Путин (*задумчиво*)

Ну вот, поди теперь ответь, кого возносит случай шальной... Чего же мне теперь – запеть? Сыграй-ка, Пол! Споем, пожалуйста!

Хором

Can't buy me love, yeah...

Послание к Ирине Хакамаде, как если бы она домогалась моей любви

В январе 2004 года правые потерпели на думских выборах катастрофическое поражение.

Ты ни к чему, Ирина Хакамада,
У нас в степи.
Хотя тебе, наверно, хокку надо,
Но потерпи.
Тебе не будет никакого хокку,
И я клянусь:
Тебя не хочет ни с какого боку
Святая Русь!

Когда-то вы с Немцовым и Чубайсом
Пятнадцать лет
Имели нас по самое не бойся.
Тут рифмы нет,
Но мы народ простой, неприхотливый,
И мы вполне
Без рифмы вовсе можем обходиться,
Когда хотим!

Когда бы ты под действием порыва
Любви земной
Вдруг извиваться стала похотливо
Передо мной, —
Тогда б науку вспомнил я отцову
И поднял плеть:
Ступай к Немцову, милая, к Немцову,
А к нам – не смей!

Мы скифы все, мы евро-азиаты,
Нас тьмы и тьмы!
Вы тем уже пред нами виноваты,
Что вы – не мы!
Вы всё отнять хотите – от Тамбова
И до Курил.
Оденься, ты! – сказал бы я сурово
И закурил.

Но даже если б ты не уходила,
Нюня, стоня,
И мне сквозь зубы жалобно твердила
«Возьми меня», —
Я, может быть, к мольбам влюбленной гейши

Бы снизошел,
Но избирать тебя на пост главнейший
Бы не пошел!

**Уже довольно Родина страдала
От правых сил!
У нас теперь ни правых сил не стало,
Ни левых сил!
Их никаких у нас теперь не стало —
Один патрон;
Теперь тебя нам только не хватало
Избрать на трон!**

Езжай домой, Ирина Хакамада,
Езжай, и всё!
Там харакири, сакура, микадо,
Сумо, Басё,
Возьми с собою книги Мураками,
Саке, суши,
И впредь не трогай грязными руками
Моей души!

Какой ты!

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. Перед ним стоит президент Южной Осетии Эдуард Кокойты.

Кокойты

Прошу, от паники устав:
Моих сограждан успокой ты!
Возьми нас, Вова, в свой состав!
Мы рвемся к русским!

Путин

Ах, Кокойты!
Забудь резню, оставь возню,
Мы все давно уже решили —
Ведь если я тебя возьму,
Мне не простит Саакашвили!

Кокойты

Володя, что тебе грузин:
Кто он такой – и кто такой ты?
Ему лишь пальцем погрозим —
И он отступит!

Путин

Ах, Кокойты!
Конечно, ты не из разинь —
Вцепился в трон, живешь богато...
Но он не просто так грузин!
За ним же Буш и все ребята!

Кокойты

Володя, слушай, что нам Буш!
На это все глаза закрой ты.
Мы все – нас двести тысяч душ —
Хотим в Россию!

Путин

Ах, Кокойты!
Оставь напрасные мечты,
Тебе придется наклониться!
Ведь не Россию любишь ты,

А контрабанду на границе.

Кокойты

Ну да, люблю. И что с того?
Кто первый встал, того и тапки!
Россию любит меньшинство —
Все остальные любят бабки.
Делиться, кстати, я готов.
Уже теряешь рейтинг свой ты:
Где Абашидзе? Был таков!
А он за русских!

Путин

Ах, Кокойты!
У вас там ногу сломит черт!
Тебе скажи, а ты раструдишь...
Не русских он любил, а порт!
А ты... тоннель ты Рокский любишь!

Кокойты

Люблю! Но, денег не любя,
Нельзя, Володя, миром править!
А также я люблю тебя —
Сильней, чем можешь ты представить.
Земля у нас сейчас ничья,
Ее, пожалуйста, прикрой ты —
Иначе новая Чечня вас ожидает...

Падает к нему в объятия.

Путин (*потрясенно*)

Ах, Кокойты!

Юбилейный разговор с товарищем Андроповым

К 90-летию со дня рождения.

Грудой дел отшумев и отхлопав, день отошел и угас вдалеке. Двое в комнате – я и Андропов – фотографией в родном «Огоньке». Светлым взором смотрит, как витязь, насквозь пронзая душу мою... Что вы сказали? «Прошу, садитесь»? Спасибо, не тревожьтесь, я постою. Товарищ Андропов, я вам докладываю. То есть закладываю, проще сказать. Товарищ Андропов, работа адовая будет сделана и делается опять. Это ничего, что я так разговариваю? Трудно выбрать достойный тон... Делают по вашему, в общем, сценарию: сначала – богатых, прочих – потом. Олигархи уже сидят у параша и тщетно ждут перемен в судьбе. Наверху уже, в общем, почти все ваши. Хоть не «КГ», но по-прежнему «Б». Все точно помнят вашу методику – сейчас дословно произнесу: «Можно отнять любую свободу, но надо сначала дать колбасу!» И вот я сижу с колбасой в обнимку – а также не голый и не босой – и рапортую вашему снимку, как хорошо мне тут с колбасой.

В России много умных и грамотных, кто вам посвящает восторг и пыл. В Петрозаводске поставлен памятник: лоб – как у Ленина, нос – как был, а выражение – как у Тютчева: мол, стой, Россия, на страх врагам! Все говорят – вы хотели лучшего, но не успели, хвала богам. Спасибо вам, что вы не успели! Не то бы я, как некий герой, давно в деревянной лежал постели, а то и просто в земле сырой. Неважно даже – чистки, война ли... Долго ли, в общем, найти заказ? Теперь вы, правда, меня догнали, но двадцать лет я прожил без вас.

Вы были правы, пресечь распад решив. Сегодня мы тоже не можем ждать. Так утверждает товарищ Патрушев, а он-то знает, что утверждать. Теперь во власти не паралитики, а сплошь спортсмены, сажень в плечах, но... Что касается внешней политики, эта область пока зачахла. **Мир стал какой-то однополярный. Чуть отпустили его – и вж-жик! Всем управляющий Буш коварный ставит Ираком своих и чужих.** А впрочем, таких подбирает лбов он и так не щадит чужих потрошков, как будто при вас еще завербован, а может, он наш, полковник Бушков?

На свете нет таких телескопов, чтоб в них увидеть грядущие дни, но я боюсь, товарищ Андропов, что контуры как бы уже видны. Хотя и лежим под западным выменем, всюю уже машем своим жерлом, и вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем. А так как я ни на шаг от правил и жизнь моя тут далеко не легка, прошу запомнить: я вас поздравил. По поручению «Огонька».

Песнь о вещем Владимире

В Киеве на выборах сперва победил, а потом проиграл Виктор Янукович.

Как ныне собирается вещий Вован
Поздравить вождя Украины,
Не зная еще, что Павловского план
Уже превратился в руины.
Он трубку виском прижимает к плечу:
«Я вас, Янукович, поздравить хочу!»

Польщен Янукович: не каждый премьер
С Вованом общается вещим!
Но как, не нарушив приличных манер,
Сказать, что поздравить-то не с чем?
Ероша хохол и кусая губу,
«Вы рано звоните», – он цедит в трубу.

«Да как это рано? – не понял ВВ.
– Ведь я же сказал, чтобы сразу!
Приказы мои исполняют в Москве,
Как только закончу я фразу!»
«Все так, – отвечает соседний глава, —
Но тут, к сожалению, пока не Москва».

«Ну ладно, – бурчит недовольный ВВ
И в ярости трубку бросает. —
Пока они тянут и пилят лаве,
Поеду я лучше на саммит!»
Но с саммита снова звонит Януку
И хитро ему произносит: «Ку-ку!»

«Ку-ку», – говорит Янукович в ответ.
Тогда с выраженьем зловещим
ВВ говорит: «Принимайте букет.
Иль снова ты скажешь, что не с чем?
Поставил я подпись! Ты понял, чувак?!»
Но вновь Янукович ответил: «Никак».

Меж тем и общественность как-то бузит,
Не ждавши такого сюрприза.
«Ты с чем поздравляешь его, паразит?!» —
Шипит из угла Кондолиза.
«С днем ангела!» – ей говорит ВВП,
А сам понимает, что это ЧП.

Три дня пробежало. Российский вожак

Настроен все резче и резче.
Он снова звонит: «Поздравлять или как?» —
Но, слыша привычное «Не с че...»,
Швыряет любимую трубку с гербом
И в твердую стену колотится лбом.

«Ну как это можно? – он стонет в тоске. —
Он что там – кидает монету?!
Когда я кого назначаю в Москве,
Вопросов, как правило, нету!
Бывает, назначишь кого-нибудь, мнать, —
И сразу же можно уже поздравлять!»

Зеленый друг

Осенью 2004 года доллар продолжил падение. Многие россияне разуверились в нем.

Люблю тебя, хоть ты не обещаешь создать со мной классической семьи. Ты спишь со мной (в подушке). Воплощаешь в себе одном все ценности мои. Ты символ власти, доблести, свободы, уверенности, нежности, еды. В тебе храню я прожитые годы. В тебя я воплотил мои труды. Ты заслонил кремлевские рубины, не говоря про русские рубли. Вся жизнь моя ушла в тебя, любимый. Отсюда и накал моей любви.

Идеи – фетиш. Мне не до идей уж. Патриотизм развеялся как дым. Меня тревожит то, что ты худеешь, но ты мне даже нравишься худым. Мы связаны с тобой, как Холмс и Ватсон, как инь и ян, как горн и пионер, и как-то лучше падать вместе с баксом, чем подниматься с гривной, например. Толстеет рубль – теперь он весит много, но что мне проку от таких монет? Я на тебе читаю: «Верим в Бога». А на рубле читаю: «Бога нет».

Как опытный преступник – с адвокатшей, как модный галерейщик – с меценатшей, как эмират арабский – с эмиратшей, с тобой я свылся. Ты мне не чужой. Ты падаешь – но с женщиной падшей приятней, чем с неопытной ханжой. С тобой резервы русского народа, я верю, будут в целостности всегда. Пускай к финалу будущего года ты сбросишь пять процентов – не беда! Конечно, это бьет по нашим шеям и поджигает наши животы, но мы с годами все не хорошеем, и радостно, что с нами вместе ты.

В стране, где пахнет водкою паленой, где разбавляют даже молоко, – мне нравится, что ты такой зеленый и что тебя подделывать нелегко. Что запретят тебя – мне думать больно. У нас ведь правят левою ногой... Но как люблю я чистый взгляд Линкóльна! Что? Лінкольна? Как скажешь, дорогой! Тебя мне не заменит Центробанк, блин! Как будто Центробанк Россию спас! Все хороши, но самый милый – Франклин. Он лучше Вашингтона в сотню раз.

Исчезнет евро – я стерплю потерю: ты перспективней, ясно и ежу. По-прежнему я все тобою мерю и все, что есть, в тебя перевожу. Среди российской вечной круговерти лишь ты один – надежность и уют. Как ты стыдливо прячешься в конверте, когда тобой зарплату выдают! Надежная, проверенная суша, добытая в мучительной борьбе... Пускай я не люблю, допустим, Буша. Но Буша ведь и нету на тебе!

Пусть ценник, украшающий обменник, грустнеет с каждым днем календаря, – тебе я верен, как кавказский пленник был верен долгу, грубо говоря. И с гордостью, глотая ком соленный, я говорю российским господам: «Он будет стоить тридцать, мой зеленый!»

А если нет, то я его продам.

Инаугурант Буш

Джордж Буш-младший избран на второй президентский срок.

Голос Путина (*в трубке*)

Послушай, Джордж! Звоню тебе, как другу.
Есть несколько вопросов, но сперва
Хочу тебя поздравить с ина... угу...
Короче, с тем, что ты опять глава.

Буш (*прочувствованно*)

Спасибо, Вов! И я тебе, как другу,
Готов сказать, что ты мне всех родней...

Путин (*перебивает*)

Но ты толкнул какую-то речугу!
Я кой-чего не понимаю в ней!
Я уточнить хотел бы для проформы,
А то Россия тоже не поймет.
Вот ты сказал, что, делая реформы,
Не худо уважать бы свой народ.
А то иной берется слишком круто —
И вся страна в прогаре, почитай...
Ты, собственно, кого имел в виду-то?

Буш (*испуганно*)

Китай!

Путин (*успокоенно*)

И я подумал, что Китай.
Вот пара фраз буквально авантюрных —
Мы тут буквально все потрясены.
Мол, те, что кое-где томятся в тюрьмах,
Есть будущая власть своей страны.
А ежели тиран не верит в это,
То он недалновидец и дурак.
Скажи, кого ты держишь в голове-то?

Буш (*смущенно*)

Ирак!

Путин (*обрадованно*)

И я подумал, что Ирак!
Еще один вопрос – и я отстану.
Одна деталь меня буквально жжет.
Ты говорил, что есть на свете страны,
В которых власть свободу бережет,
Не жмет на кнопки, не ломает клавиш,
Но управляет, личностей ценя...
Ты, собственно, кого в пример-то ставишь?

Буш (*в отчаянии*)

Тебя!

Путин (*удовлетворенно*)

И я подумал, что меня.

Неправильная победа

Февраль 2005 года. Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга высказалась о предстоящем юбилее Победы.

Недавно Вике-Фрейберга (она рулит покуда Латвией свободной) сказала, что она раздражена российской хамоватостью природной. Мы не вольны, промолвила она, внушить манеры русскому соседу. Пускай они там пиво пьют до дна за эту их несчастную Победу, пусть на газете чистят воблин бок и, оторвав куски от рыбьей тушки, под рев гармони шпарят назубок свои неэстетичные частушки – нам варваров исправить не дано. История загонит их в парашу. Мы будем пить не пиво, а вино, и не за их победу, а за нашу.

Простите этот вольный перевод, но суть сводилась к этому, ей-богу. Итак, латвийский доблестный народ не хочет пить за нашу Перемогу. Не мне Европу гордую учить – ее авторитет не поколеблен, – но Фрейбергу я должен огорчить. Она, похоже, будет в меньшинстве, блин. **Не зря полки шагали на убой. Не только в Новом, но и в Старом Свете за ту победу станет пить любой, раскладывая воблу на газете. И англичане, дружно разложив на свежей Times бекон и чикен-карри, поднимут крепкий эль за тех, кто жив из тех, кто фрицам надавал по харе.** Французы, разложив на «Фигаро» свои сыры и жирные паштеты, – о, как течет слюной мое перо, о, Франция упитанная, где ты! – поднимут тост среди парижских крыш за тех, кто в Resistance отличился, а вовсе не за тех, кто сдал Париж и под Виши от страха обмочился. И даже в Штатах, кажется, полно таких, что в память доблестного года свое калифорнийское вино закусят сочным лобстером Кейп-Кода – и, положив на «Вашингтонский пост» отваренного краба-исполина, возьмут его за ярко-красный хвост и скажут: «Ну, за взятие Берлина!» О Вайра! Я пишу вам из Москвы. Простите, я известный безобразник. Мы выживем, ей-богу, если вы в Россию не поедете на праздник. Пятнадцать лет мы, кажется, живем без Латвии – пленительной простушки, и нашу воблу жесткую жуем и распеваем грубые частушки. И пусть глава свободных латышей, угрюмая, как гордая гиена, разложит пару заячьих ушей на доблестном таблоиде Diena – оскалится, как нильский крокодил, который плачет, если безутешен, – и выпьет не за тех, кто победил, а за того, кто в Нюрнберге повешен.

Присяга

В подмосковном пансионате 27 февраля 2005 года состоялся первый, строго засекреченный съезд новой молодежной организации «Наши». Инициативу ее создания приписывают главному пиарщику президентской администрации Владиславу Суркову.

О, новая радость детей, стариков и прочих насельников Раши! Ужасно мне хочется в «Наши», Сурков. Сурков, запиши меня в «Ваши»! Я знаю, ты вырос и в разум вошел в эпоху маразма и гнили, когда «Запишите меня в комсомол!» в четырнадцать лет говорили. Давно уже мне не четырнадцать лет (стареть неприлично поэту), и нет комсомола, и партии нет, а главное – радости нету! **Теперь-то, я верю, ты сразу мне дашь и денег, и счастья, и смысла. Мне радости нет, потому что не ваш. А с вами мне будет некисло!**

Ведь ваши теперь – побеждающий класс. Вы с каждой неделей краше. Ведь ваши купили «Юганскнефтегаз», и льготы оттяпали – ваши. Любимые наши! «Единство» цена, ненаших погнали вы в шею. Похоже, что ваши имеют меня и все, что я лично имею. Хотите, я брошу стихи и статьи? Хотите, пинок мне навесьте, но только примите вот в эти, в «Свои», в идущие с нашими вместе! Хотите, я вызубрю ваш инструктаж и к черту пошлю своих Саш и Наташ, хотите, и сделаюсь тверд, как грильяж, и стоек, как шведская стенка, чтоб только сказал одобрительно «Наш!» любимец детей Якеменко.

Но, чтобы просить о приеме в ряды, не стоило пачкать бумагу. Сурков! Чтоб мои ты увидел труды, для вас сочинил я присягу. Чтоб вздрогнул при звуке ее малонер, чтоб скауты сжались кургузо, чтоб детям слышалась музыка сфер – «Хорст Вессель», допустим, «Рамштайн», например! Чтоб мог не стыдись повторить пионер Советского, на фиг, Союза!

«Клянуся Перуном, четой, нечетой, клянусь Марракотовой бездной, клянуся бюджетника я нищетой, великой и малою Русью святой, клянусь диктатуры упругой пятой – резиновой, а не железной! Причиной грозной, Потешным полком, петлею Ивана, Петра кулаком, пенькою и лесом, икрой, балыком, нефтянкой, Лубянской, нетленкой – и всем, что успел я всосать с молоком, детсадовским, с вечною пенкой! Клянусь Кольцевой твоей, о Москва. Клянусь оборонкой, что вечно жива. Клянусь автоматом Калашникова, Гагарина горным полетом – клянусь, повторяя святыя слова: «Считайте меня патриотом».

Я буду страшнее, чем кузькина мать, и чище, чем сорок монашек. Я буду ненаших ногами пинать, где только увижу ненаших. Я буду любить доброту, простоту, я буду любить красоту, чистоту, ее защитит я за счастье почту, коль будет нуждаться в защите, – не всякую, братцы, конечно, а ту, которую вы разрешите. Я буду с хорошею книгой дружить, зимой закалять свое тело и нашему общему делу служить, не зная, что это за дело, я буду носить карабин, патрон-таш, хоть это не очень красиво, но чтобы с печатью и с надписью «Наш» была мне дарована ксива. За это я верю, правдой, добром, руками, ногами, пером, топором, погромом – коль будет вам нужен погром – служить обязуюсь, благу! Век воли не знать, разрази меня гром».

Вы примете эту присягу?

Не надо ни денег, ни новых портков, ни порции гурьевской каши, ты только одно объясни мне, Сурков: гожусь я теперича в «Ваши»?

Баллада о бедной армии

В апреле 2005 года Верховная рада Украины обсудила возможность введения в стране легального откупа от армии. В России как раз начинается весенний призыв. Как выглядела бы откупная армия в российских условиях?

Пришла весна. Настал призыв. Мясистый военком, юнцам сурово погрозив, бряцает кошельком: «Сдавайте деньги, кто богат, – я дам вам белый билет! А тот, кто беден, – пожалте в ад, плясать строевой балет!» И кто богат – вернулся домой, птичье пить молочко, а тот, кто беден, – отправлен в строй, в казарму драить очко, и чистить поверхность краников медных, и старшим стирать хэбэ... О армия бедных, армия бедных! Легко воевать тебе.

Солдатская жизнь наперед размечена, занятыя – нельзя тупей. Терять нам нечего, нечего, нечего, кроме своих цепей. В казарме им сказали: «Что ж! Держитесь, салажье. Кто беден – пусть берет штык-нож, патроны и ружье. Сперва он будет маршировать, чтоб дрогнули все враги, а после дедам заправлять кровать и чистить им сапоги. А кто побогаче, вам говорят, – сдавайте кто чем богат, и вас запихнут в кухонный наряд, а может – на тихий склад». И кто наскреб хоть сто рублей – в столовую повернул, а кто оказался и тут бедней – пошел стоять в караул, ногами тонкими в голенищах окрестных ворон смеша. О армия нищих, армия нищих! Для нас и ты хороша. Мозоль засохла, нога подлечена, в желудке – пустые щи... Терять нам нечего, нечего, нечего, – Вселенная, трепещи!

Пришла война. Коварный враг напал на милый край. И командир промолвил так: «О рота, выбирай! Кто может сдать мне по рублю, по рублику хотя б, – того я крепко полюблю и командирую в штаб. А кто не может – пойдет в окоп, и пусть его вошь заест. Я всем обещаю бесплатный гроб, а также бесплатный крест». И кто наскреб хоть рупь, хоть пять – ушел с передовой, а кто победней, пошел воевать, рискуя головой. **И после пары сражений трудных испуганный сдался враг – ведь армию скудных, армию скудных нельзя победить никак!**

Терять нам нечего, нечего, нечего! Бояться ли нам огня?! Кого страна уже изувечила, тому и война – фигня.

Победа, граждане. Парад. Желанней нет поры. Над Красной площадью парят воздушные шары. Равняйся! Считайся на первый-второй! Врага поверг во прах живых скелетов жалкий строй в дырявых сапогах. А в небе Бог проводит смотр погибших на войне, и молвит у райского входа Петр: «Богатые, ко мне! Кто здесь хоть чем-нибудь богат, входите без затей, а тот, кто беден, – ступайте в ад собою кормить чертей. У нас тут тоже хозрасчет – гоните хоть рупь, хоть шесть. А то и крыша в раю течет, и ангелы просят есть...» И вот на райских холмах пологих – те, кого Бог позвал, а самых убогих, самых убогих спустили в адский подвал.

Не плачь, шагая в адское печево! Россия – наша страна. Терять нам нечего, нечего, нечего! И пусть дрожит Сатана!

Кока-кома

В Америке опять проснулся коматозник. Несчастливая семья изверилась вконец. Он был простой сержант, здоров, что твой колхозник, пожарник удалой, четырежды отец. Однажды он явил отвагу на пожаре, ударен балкой был (тому уж десять лет!) – и ровно десять лет врачи его держали в палате для таких, кому возврата нет. Недвижный и немой, лежал он на кровати. Порой к нему родня являлась на часок. «С ним можно говорить?» – врач отвечал: «Давайте», – но он молчал в ответ, ударенный в висок. Второго мая вдруг вернулся он из комы, позвал к себе жену, детей расцеловал – и тотчас попросил бутылку кока-колы: врач все ему давал, а колы не давал!

Сбежалась пресса вся – тут есть на что смотреть им! Он хочет видеть всех. Врачи кричат: «Нельзя-с!»... Два года уж тому – году в две тыщи третьем – такой же случай был, но в штате Арканзас. Поехал я тогда писать про арканзасца, про Терри Воллиса (поселок Мантин Вью). Он двадцать лет назад с друзьями нализался, сначала громко пел, подобно соловью, в отцовский грузовик потом полез с друзьями, кататься захотел – и полетел с моста. Он три часа лежал в пятиметровой яме и в кому впал потом (друзьям же – ни черта). Он двадцать лет лежал недвижно в Арканзасе, врачи отчаялись, не прилагали сил, уже и дочь его была в десятом классе... Как вдруг очнулся он – и колы попросил!

Есть что-то странное в таком пристрастии к коле. Воистину, она у штатовцев в крови. Поэтому, когда они в глубокой коме не слышат никого (хоть в рупор их зови), когда они в бинтах от пяток до затылка лежат и видят сны, не мысля, не скорбя, – им чудится во сне заветная бутылка, и просят лишь о ней они, придя в себя. Потом им вспомнятся причастия, глаголы и прочие слова, но первые – о ней. Быть может, это все реклама кока-колы... Но я же видел их, очнувшихся парней! **Я вообще люблю счастливые исходы. Мне нравится, когда пожарник или шофер, в неведомой стране пространствовавший годы, очнулся и семье объятья распростер! Надеюсь, медики простят меня, невежду, коль честно я скажу (хоть правда не в чести): когда гляжу вокруг, лелею я надежду, что может полугруп в сознание прийти!** Моя любимая лежит сегодня в коме. Никто ее пока в сознание не вернул. Примерз Владивосток, и еле дышит Коми, и, кажется, покрыт коростой Барнаул, окраины горят и тихо отпадают, конечности гниют тому уж двадцать лет... «Опомнись! Отзовись!» – все родичи рыдают и пробуют будить, но им ответа нет. Варили кашу ей и за нее жевали... «Очнись! Ограбят ведь!» – орали сыновья. Теперь не знаю сам – жива ли, не жива ли... любил ли я ее – или это бредил я... Боюсь, что даже врач, тупой, как жук-навозник, не лечит бедную, а яд вливает в грудь... Но если в Штатах вновь очнулся коматозник – то, может, и она очнется как-нибудь?

Откроет правый глаз, потом поднимет брови, припомнит, кто она, увидит белый свет...

Но вместо колы, блин, опять захочет крови.

Любимая моя, не просыпайся, нет!

Раздача осла

Уши от мертвого осла – вот что получит Латвия в ответ на свои территориальные претензии. Так и сказал президент Путин на встрече с редакцией газеты «Комсомольская правда», прошедшей 23 мая 2005 года.

Владимир Путин, братски посещая редакцию прославленной «КП», с коллегами распил немного чая, ответил на вопросы и т.п. Коснулись Белоруссий, Грузий, Латвий (все лезут на Россию, нашу мать, – и вскорости у нас не хватит лядвий, чтоб их передо всеми разжимать). Заспорили о договоре с Ригой: газетчиков давно волнует он. Согласьем мы ответим или фигой на просьбу сдать Пыталовский район? Взор Путина был деловит и светел. Едва «КП» вопрос произнесла, как он с большим достоинством ответил:

– Получат уши мертвого осла.

Мне нравится позиция такая. Не то чтоб я имперский троглодит, но гнусно усмехаюсь, представляя, как Фрейберге там в Латвии сидит, мечтает о Пыталовской распилке буквально двадцать третьего числа, а ей в кремлевской праздничной посылке приносят уши мертвого осла! Приятно мне достоинство ответа, решительного, как удар весла... Но главное, что радуется, – не это.

Пошла раздача мертвого осла!

Вот, нахватавшись штатовской заразы, почти целуя Бушевы следы, грузины изгоняют наши базы и обещают их лишить воды. Мол, топайте домой еще до лета. Грузинская позиция ясна, продуманна – и скоро им за это вручат копыта мертвого осла.

Вот Украина. Мы теперь ей любви, как сионисту мил антисемит. Там Тимошенко искривляет губы и нашим энергетикам хамит. Конечно, СНГ – давно руина, разводка никого не потрясла, но что ж наглеть?! За это Украина получит хвост от мертвого осла.

Давно – еще когда мы жили с Борей и гибели не видели в упор – китайцы ждали наших территорий и, кажется, хотят их до сих пор. Японцы тоже жмут на нас жестоко, кремлевская пресс-служба донесла... Желающие Дальнего Востока получают попу мертвого осла.

И все, кто нами в чем-то недоволен, или обидит нашего посла, иль не уважит наших колоколен, получают части мертвого осла. Все эти радикальные исламы, и натовцы, и прочая шпана... Вот раздадим покойного осла мы – и будет здесь нормальная страна.

Ведь все у нас так мерзостно и тупо – нехватка сил, упадок ремесла – лишь потому, что мы в плену у трупа, что мы под сенью мертвого осла! Он, разлагаясь, провонял нам воздух. Все сны и мысли отравляет он. Он расплодил избыток мух навозных и прочих паразитов легион. Одни зовут его проектом красным, другие же – империей, как Кох, но мне покуда остается ясным лишь то, что он осел. И что издох. Когда-то, в прошлом, в детстве беззаботном, пропахшем бодрой «Красною Москвой», он, может, был полезнейшим животным – но всем животным срок отпущен свой. И хороши мы были или плохи – чтоб Родина сама себя спасла, она должна задачею эпохи признать раздачу мертвого осла. Ведь потому-то наш союз ослаблен. Нас потому и бросит большинство, что мы горой за мертвого осла, блин... и все реанимируем его... Вот так я понял путинское слово, истолковал его внезапный пыл.

Пора родить кого-нибудь живого.

Но не осла. Осел уже тут был.

Пропавшая грамота

Лето 2005 года. Глава МВД Рашид Нургалиев, выступая на заседании, приуроченном к Дню защиты детей, заявил, что страна переживает третью – после Гражданской и Отечественной войн – волну безграмотности. Сегодня в России два миллиона неграмотных подростков, сказал он.

Рашид Нургалиев (от чьих новостей читатели часто немеют) поведал, что два миллиона детей в России читать не умеют. Со дня окончания Второй мировой так много малюток с пустой головой и с памятью в виде провала в России еще не бывало.

Но стоит ли выть и прохожих кусать, подобно мультяшному волку? Пускай я умею читать и писать – а фиг ли от этого толку? Вот тут Ходорковский опять прогремел, он тоже немало имел и умел, и проку с такого умения? Судья, приговор и камень.

Страна наконец начала процветать, минуя капканы и мели. Здесь вечно умели писать и читать, а жить никогда не умели. Российские мальчики, мать-перемать, две вещи умели – читать и взрывать: едва «Колобка» прочитают – и царства на воздух взлетают! **Читаешь – и думать уже ни о чем ни часу не можешь. Куда там! Булгаков остался бы классным врачом, и Горький – купчиной богатым, а Пушкин придворным закончил бы дни, когда бы читать не умели они. И Фета, и графа Толстого сгубило печатное слово!**

Российские новости – хвори лютей. Под нами бурлит преисподня. Как славно, что два миллиона детей узнать не сумеют сегодня о том, что в Кремле состоялся прием и Путин примазался к «Нашим» на нем, что снова подрались в Бишкеке (есть жертвы, а также калеки), что снова провален весенний призыв в армейской родной костоломке, что Путиной нравится русский язык (смотри интервью в «Комсомолке»)… Сказал же один замечательный дед: «Едите обед – не читайте газет! А лучше и после обеда не трогайте этого бреда».

Я часто жалею, что грамотен я, что азбука мною любима… Порою подумаешь – сколько вранья прошло бы, товарищи, мимо! Допустим, без всех этих азбук и школ «Муму» и «Каренину» я б не прочел, – но вспомню, хихикая жлобски, что я не прочел бы и Робски! Цветаева, думаю, все же права (бывают мудры поэтессы), сказавши достаточно злые слова о среднем читателе прессы. Тут все, понимаешь, летит под откос – а эти козлы обсуждают всерьез, пожара не видя пред харей, какой у откоса сценарий…

О вы, победительный будущий класс, не знающий грамоты сроду! Поспорить готов – вы замените нас к две тыщи десятому году. Помойка вам – стол, и коллектор – кровать, зато вы умеете так выживать, как мы, обойденные клеєм, уже никогда не сумеем.

Под спуном

Осень-2005. Правительство хочет создать электронное досье на каждого россиянина. Проект «Системы персонального учета населения» одобрен на прошлой неделе. Кроме обычной информации об уплате налогов и квартплаты база будет содержать сведения личного характера.

Покуда вся планета напрягает интеллект, способствуя прогрессу, ища увеселенья, в России запускают эпохальнейший проект «Система персонального учета населения». Ты дописался, Орвелл, на язык тебе типун, хоть со страной и датами проштрафился немножко. Система в сокращении зовется просто «СПУН» (по-русски это «соня», а по-английски – «ложка»).

Работы, прямо скажем, не на один семестр. Лет пять придется вкалывать, поскольку без изъятия все граждане Отечества включаются в реестр: фамилья, год рождения, судимости, занятия. Там будет, вероятно, и пятая графа, и данные о браках, если кто семью бросает... Раздолье для фискалов, милиции лафа: допустим, спросит кто-нибудь: «А где Шамиль Басаев?» А вот у нас, пожалуйста, о нем отдельный лист. Такой-то год рождения, манеры инородца. Приметы: одноногий. Специальность: террорист. Местонахождение: ночует где придется.

Сначала эту базу будут делать пять годков, в секретности, с защитами от кражи и прослушки. Потом сдадут Фрадкову (коль останется Фрадков), и тут же она станет продаваться на Горбушке. Я там приобрету ее за небольшую мзду (за что платить-то, граждане? не больно интересно!), и познакомлюсь с девушкой, и в гости к ней приду: «Не представляйся, милая, мне все уже известно. Ты Маша Николаева? Смотри, секретов нет. Ты дочь простых родителей – врача и педагога. Окончила без троек, поступила в Первый мед, читаешь, любишь пряники, пьешь колу, веришь в Бога. Оценки позитивные, слегка капризный нрав, твои духи – «Провокатор», твой идеал – Пачовски... Однажды другу вякнула, что Путин был не прав, но тотчас же поправила, что в выборе прически. Есть родинка на попе, вторая на губе. Партнеров было шестеро; куда же без соблазна... Поскольку все, что надо знать, я знаю о тебе, – без предисловий, Машенька, отдайся. Ты согласна?»

«Не будем тратить время на сближение, дружок, – ответишь ты улыбочиво, не дав закончить фразу. – Не скрою, знойной внешностью ты душу мне обжег, но я на всякий случай просмотрела ту же базу. Ты сын простых родителей и все-таки еврей, недавно бросил рыжую и заимел шатенку; конечно, ты срываешься порою с якорей и говоришь про Путина, но шепотом и в стенку. Твои произведения – ужасная фигня, но все-таки не худшее из вашей круговерти. Твоя зарплата белая убила бы меня, но есть еще и черная, которая в конверте. Ты весишь сто одиннадцать, ты толст на первый взгляд, зато ты щедр с партнершами – жена ли, не жена ли... Короче, ты мне нравишься, хоть пять годков назад ты вел дурную рубрику в сомнительном журнале».

И, избежав формальностей (хождения в кино, рассказы о родителях, уловки, ахи, охи), – мы то с тобою сделаем, что делать суждено всем юношам и девушкам во всякие эпохи. По лежбищу раскинемся мы розою ветров. Мы будем положения менять ежеминутно. А сверху будет пристально смотреть майор Петров, у монитора верного пристроившись уютно. Он будет подхихикивать: «Ну блин! Ну потаскун!» Он будет все записывать, востря глаза и уши, а после эти сведенья внесет в систему СПУН, чтоб мы ее назавтра же купили на Горбушке. Тебе, тебе, майор Петров, дарю я этот стих! Ты в том же самом перечне и тоже знаешь это. Ты сын своих родителей, гэбэшников простых. На левой пятке родинка – особая примета.

Пятьдесят поросят

В открытых письмах важно не то, что написано, а кем они подписаны. Пятьдесят представителей общественности, спортсмены и деятели культуры, вспомнили о старой отечественной традиции и выступили летом 2006 года с письмом в поддержку приговора Михаилу Ходорковскому.

Чтоб растоптать вражину по праву старшинства, цепные псы режиму желательны сперва. Потом – для гигиены, чтоб нам не портил ряд, – шакалы и гиены его приговорят. Чтоб заглушить камланье прозападных сорок, имеется, каналья, обученный Сурок. Но надо опорочивать, а то кругом свистят... Тогда приходит очередь Придворных Поросят.

Заказ довольно тонок, условия непросты. Конечно, поросенок – не символ чистоты. Его считают хрюшею, бранят за внешний вид... «Не гажу я, где кушаю!» – он гордо говорит. Чтоб разобраться с Западом, с идейной войной, нужна зверюга с запахом получше, чем свиной. Чтоб лучше огорошить идейного бойца, была б уместней лошадь, а может быть, овца, – но лошади, и козы, и весь рогатый класс бегут, как от угрозы, от слова «соцзаказ». Когда кого-то режут (а это часто тут) – они в ножовый скрежет свой голос не вплетут. **И только поросята в сплотившемся строю сдадут родного брата и даже мать-свинью. «Ты прав, мясник достойный, и славою покрыт!» – гремит их хор застольный от мисок и корыт. – Держи повыше знамя! Честна твоя стезя. Учти: иначе с нами, со свиньями, нельзя».**

Но этот мир изваян со смыслом, по уму. И будет их хозяин ловить по одному и резать на котлеты законные свои, поскольку петь куплеты – не главный смысл свиньи. Мясник в привычном раже наделает котлет, не спрашивая даже: «Элита вы или нет?», надежды их народца безжалостно поправ... А те, кто остается, споют: «Мясник, ты прав!»

Я этой скромной притчей, которой сотня лет, надеюсь тех, кто притчей, остановить... но нет. Духовная элита, державная попса рыдает у корыта на разны голоса. Так дружно не рыдали с передвоенных пор. «Отлично! Мало дали!» – неистовствует хор. Я вижу те же знаки в послании попсы – «кровавые собаки», «взбесившиеся псы»... Как быстро все забыто! Лет семьдесят назад духовная элита (не сплошь из поросят) кричала: «Больше казней! Пощады нет врагу!» – призывов безобразней представить не могу, – а после ту элиту порвали (се ля ви!), как Гумберт рвал Лолиту, да только без любви. Всех дочиста прижали. Погнали в ту же дверь. Но тем хоть угрожали расстрелом – а теперь?

Какая вышла свалка, какие имена! (Донцовой нету, жалко, – но, может, и она?..) Каким оценишь баллом письмо такой толпы? Буйнов и Розенбаум, духовности столпы, Кабаева Алина попалась на крючок – и здесь же балерина по кличке Волочок! И Говорухин тоже (ну он давно в беде), и Кадышева (Боже! А Коля Басков где?). И даже от Калягина – чтоб знали, ху из ху! – готовно накорябана каракуля вверх. Конечно, тут величья не стоил ни один; молчу про неприличие, про милость к падшим, блин... Но при такой элите, горланящей «Ату!», чего вы все хотите? Смотреть не вмоготу. Пусть даже Ходорковский – ужасный Карабас, но этот хор кремлевский его, по сути, спас. Теперь, на этом фоне, и полный идиот архангелом в хитоне в историю войдет.

О нынешней элите я спорить не хочу: коль скоро вы их чтите – вам надобно к врачу. Сначала поросятм сказали: «Данке шён», но в царстве тридесятм их жребий предрешен. Я не об этом думаю. Смотрящий с высоты! Скажи, за что страну мою по кругу гонишь ты?

Ода борьбе

*Политическая борьба в России есть – причем в буквальном смысле слова.
Недавнее избиение «левых» (осень-2006) это доказывает.*

Ликуй, Отечество! Нацбола избили битой для бейсбола, других – обломками трубы. Вломилась банда с криком «Суки!», двоим переломала руки, еще двоим пробила лбы. Всех отпустили на поруки. И эти западные злюки врут, что в российском царстве скуки нет политической борьбы!

Какой борьбы тебе, Европа? Ждешь перестрелки ты? Окопа? (Бойцы предупредили копа, чтоб их не трогал ни хрена.) Да, нет парламентского трепя (он принят западнее Чопа), зато со скоростью потопа грядет гражданская война! Читатель ждет уж рифмы «...». Ты прав, читатель, вот она.

Есть слух, что «Наши» виноваты и что футбольные фанаты, им пополняющие штаты, творили этот беспредел. Давно ль поэт, чья совесть смята, как форма старого солдата, к гражданским чувствам звал фаната?! Как в воду, умница, глядел. Открылась тайная изнанка, определился ход планет – у нас пошла такая пьянка, что равнодушных больше нет. За триста долларов на брата (грядет и лучшая оплата – сейчас возможности слабы) патриотичные ребята дотянут русского фаната до политической борьбы!

Когда-то сам геноссе Ленин, чей опыт нам поныне ценен, хоть партия его слаба, кричал, что пусть собака лает, пусть караван идет в парламент, а наш удел борьба, борьба! Политика – большая драка. Любой, кто думает иначе, при виде биты и нунчака не смея искушать судьбу, пусть уползает в позе рака и не суется к нам в борьбу!

Ты проиграл, отважный Жири. За дело надо браться шире. Теперь в Калуге и Кашире, на Селигере и Оке под знаком общей ностальгии растут политики другие – покатолобые, тугие, с бейсбольной битой в руке! **Борьбы не знали до сих пор мы. Все это было так, фигня. Жизнь приняла другие формы, и это радует меня. Грядущее я вижу раем. Как все наглядно будет там! Мы оппозицию узнаем по гипсу, бланшам и бинтам.**

Нет, «Наших» трудно счесть ослами. Они сказали, что послали своих девчонок и ребят на митинг «Год назад в Беслане». Им не до драк, они скорбят. Тончайший ход, достойный Горби! Но, надорвав страданьем грудь, могли ж они в порыве скорби поколотить кого-нибудь! Любого встречного. Любого, кто нелояльно вел себя. И кто сказал бы им хоть слово? Они ж не так, они скорбят!

Страна, при помощи дубины нас защищают хунвейбины, храня высоты и глубины своей истерзанной земли. Скажи спасибо, не убили. Они, мне кажется, могли.

Нулевой рэп

В самом решающем матче сезона-2006 сборная России по футболу сыграла вничью 0:0 с командой Словакии и не поедет на чемпионат мира.

Вот наши со словаками сыграли в Братиславе, и кто-то надрывается, что мы опять прос... ли. А я не понимаю таких сволочей! Я не знаю, что может быть лучше ничьей! Пусть нам теперь в Германии не светят медали – да фиг ли там Германия, чего мы не видали! Я вовсе не в обиде из-за этих нулей, я даже полагаю, что так веселей! Из-за того, что наши словаков не дожали, мы крайности ужасной успешно избежали. А то, что и словаки не сумели нас дожать, позволило ужасного соблазна избежать.

Когда б мы победили с перевесом ноль – один, мы тут же закричали бы, что всем зададим. Когда б мы победили с перевесом ноль – два, от гордости у нас бы закружилась голова. Когда б мы победили с перевесом ноль – три, мы грозно заорали бы: Америка, смотри! Когда б мы победили с перевесом ноль – четыре, мы сразу бы решили, что мы лучшие в мире. Когда б мы победили с перевесом ноль – пять, мы начали бы Запад поучать и стращать. Когда б мы победили с перевесом ноль – шесть, тогда бы мы решили, что у нас все есть. Когда б мы победили с перевесом ноль – семь, «Единая Россия» обнаглела бы совсем. Когда б мы победили с перевесом ноль – восемь, мы тут же заявили бы, что никого не спросим. Когда б мы победили с перевесом ноль – девять, сказали бы, что больше ничего не надо делать. Когда б мы победили с перевесом ноль – десять, то сразу бы решили Ходорковского повесить, поскольку сверхдержава, побеждающая так, не может церемониться с тем, кто ей враг!

Но мы не победили, нет, мы не победили. Ребята наши кисло в раздевалку уходили. Хоть мы и не в отчаянье (чего бы это ради?), зато уж и не думаем, что мы в шоколаде. **При нашем состоянии значительный грех – доказывать, что мы совершеннее всех. Хотя доказывать, что родина скучна и противна, – тоже, если честно, не совсем перспективно.**

Когда б мы проиграли со счетом ноль – один, мы дружно заорали бы, что Семина съедим. Когда б мы проиграли со счетом ноль – два, кричали б, что судейская бригада не права. Когда б мы проиграли со счетом ноль – три, мы тут же догадались бы, что враг внутри. Когда б мы проиграли со счетом ноль – четыре, мы наших демократов замочили бы в сортире. Когда б мы проиграли со счетом ноль – пять, мы дружно закричали бы, что нам хамят опять. Когда б мы проиграли со счетом ноль – шесть, военные бы начали обдумывать месть. Когда б мы проиграли со счетом ноль – семь, у нас бы обязательно кто-нибудь сел. Когда б мы проиграли со счетом ноль – восемь, мы всех бы припугнули, что бомбу сбросим. Когда б мы проиграли со счетом ноль – девять, то нам бы, вероятно, пришлось бы так и делать. Когда б мы проиграли со счетом ноль – десять, опять-таки решили Ходорковского повесить, поскольку за позорно проигранный бой хоть кто-нибудь же должен заплатить головой!

Но мы не проиграли, нет, мы не проиграли. И это соответствует сегодняшней морали. И если в государстве управляют нули, не ждите, чтобы где-нибудь мы в счете вели!

Корабль «Электрон»

Осенью 2005-го береговая охрана Норвегии арестовала российский рыболовецкий траулер «Электрон», но экипаж судна отказался подчиняться приказу, сбежал из-под ареста и направился в сторону Мурманска.

Исполняется мужским хором под рев прибоя.

Четвертые сутки бушует циклон, забыв про пощаду и отдых. Врагу не сдается корабль «Электрон», в норвежских дрейфующих водах! Презревши норвежских тупых заправил, неделю как минимум третью наш траулер местную семгу ловил, но мелкочаеистой сетью. За эту запретную мелкую сеть по зову норвежского трона три катера местных послали висеть на гордом хвосте «Электрона». Шумел неприятный норвежский прибой, размешивал водную кашу... Таможенник встал иноземной стопой на твердую палубу нашу. «Придется вам с нами проследовать в порт. Не любят у нас иностранцев!» – «Должно быть, придется проследовать, черт», – ответил норвежцам Яранцев¹. И кротко к норвежским пошел берегам Яранцев, скрывая обиду... Но мы никогда не сдаемся врагам, их слушаешь только для виду! К радисту спешит «Электрона» вожак – докладывать четко, как робот: «Любимая Родина! Так, мол, и так... Норвежцы нас взяли за хобот! Нас катер таможенный нагло нагнал!», но замысел правильно понят, и Родина им посылает сигнал: «Спасайтесь! Вас не догонят!» – «Однако норвежцы у нас на борту! Везти их в Россию не дело!» – «Везите и их. Разберемся в порту», – отвечает Родина смело.

Яранцев командует: «Полный вперед! Россия на юго-востоке!» И курс на российские воды берет, оставив Норвегию в шоке. На чистом норвежском его матеря, краснея в напрасном задоре, за ним пограничные мчат катера – но где им в открытое море! Кричит альбатрос, и российский матрос от радости машет тельняхой. На винт «Электрону» накинута трос, но винт разрубил его к черту! Норвежцам никак не поймать «Электрон» – он в шторме спокоен, как в ванной. Российского флота незримый патрон, ликует Андрей Первозванный.

И траулер двинул к родным берегам по моря морщинистой коже. И семга его не досталась врагам, и пленные викинги тоже. Встречать его русские вышли суда, гудками сигналив: «Здорово!» Норвежцы носились с угрозой суда, но грянул отлуп от Лаврова. **А пусть они нам не наносят урон, не топчут неписанных правил! (Есть версия, будто корабль «Электрон» с секретной миссией плавал, но версия эта, мне кажется, бред, ее основания хлипкие. Секретов у нас от Норвегии нет. Нам попросту хочется рыбки.)**

«Победа!» – российский трубит патриот, хоть западник ноет брюзгливо. Российский корабль триумфально идет по водам родного залива. Он красную рыбу везет на засол и двух погранцов обалделых, и кисло роняет норвежский посол, что все это, в общем, в пределах... А то ведь могли засадить под арест! А лапу сосать не хотите ль? И реет на флаге Андреевский крест – российского флота спаситель.

Суровое море вздымает валы и утлое судно качает. На судне качаются наши орлы под крики восторженных чаек. Так пусть же запомнят и грек, и варяг, и галльский изнеженный кочет: врагу не сдается российский моряк! И ловит что хочет, где хочет...

¹ Яранцев – капитан «Электрона».

Развод

Очередной одиннадцатилетний цикл российской истории закончился – Алла Пугачева развелась с Филиппом Киркоровым.

Страну изрядно потрепало. Культуру бизнес обокрал. Звездой зовут кого попало и всех пускают на экран. Сейчас любой зовется ВИПом – артист, пиарщик, конь в пальто... Но Алла развелась с Филиппом, и стало ясно, кто есть кто.

Все темы отступили на фиг. Все – от еды до высших сфер: бюджет, преступность, нарко-трафик, Мосдума, Мень, ЛДПР, Медведев, встреча с Коидзуми, «Нацизму – да!», «Нацизму – нет!» и миллион других безумий, какими полон Интернет. Расстались, значит. Доконались.

У всех – морщины по челу, весь политический анализ сменился дружным «почему?!». У них не ладилось с деньгами? У них запасы на нуле? Иные даже полагали, что это сделали в Кремле: как только слух донес приемник и подтвердил телеканал, про операцию «Преемник» никто уже не вспоминал. Теперь до будущей субботы другие новости в тени. Введи какие хочешь квоты, любые льготы отмени, закрой эфир телеканалу, начни цензуру новостей – все будут помнить лишь про Аллу и разводящегося с ней. Вот личность, что и впрямь бездонна. Вот неземное существо: ни Марадона, ни Мадонна так не тревожат никого. **И в нынешнем, и в прошлом веке, в равно дурные времена у нас какие были вехи? «Почем бухло?» да «С кем она?».** Лишь матушка Екатерина меняла так своих мальков: одних прилюдно материла, другим готовила альков.

Бытует мнение простое, я даже сам его имел: в России со времен застоя не так уж много перемен. Все оппозиции протухли, народ спивается давно, интеллигенция на кухне, по телевизору – *вообще*, и все дрожат, сглотнув обиду, за свой убогонький уют, и лишь политбюро – для виду – администрацией зовут. Но хватит потешать планету. Я защищаю нашу честь: прогресса, может быть, и нету, но перемены все же есть! Я с ностальгирующим всхлипом могу сказать друзьям в пивной: «Еще когда она с Филиппом, я познакомился с женой!» В эпоху сбора чемоданов и общих бегств за рубежи там был какой-то Челобанов (куда он делся, расскажи?). А Болдин – при повторном путче: что только делалось в стране! Когда ж в России было лучше? Боюсь, при Вове Кузьмине... Кранты настали олигархам, у либералов бледный вид, а с ней, наверно, будет Галкин. Она его усыновит.

Итак, финал: Филипп уволен. Бог отомстил за Ароян. Но отчего я так доволен, таким восторгом обуян? Дела в России не ахти ведь... Но я утешен, господа: как видим, могут опротивить они друг другу иногда. Не только нам, не только прессе, уже рехнувшейся слегка, не только телекритикессе, что обсмотрелась «Огонька»... Событие нынешней недели, что плавно движется к зиме, – «Они друг другу надоели!» Выходит, мы в своем уме.

Видать, не только мы устали от этих плясок на костях; от тех, что жирно тут блистали при всех режимах и властях, от тех, кто меньше год от года достоин прозвища Звезда...

Вот только с ними нам развода не даст никто и никогда.

Московский марш

На выборах в Мосгордуму «Единая Россия» одержала победу.

Еще я помню времена, когда – почти в другую эру! – замоскворецкая шпана дралась с таганскими, к примеру; когда сплоченной стеной, весьма далекой от идиллий, новогиревцы войной против лефортовских ходили... Те времена прошли, увы. И я почти не верю в сказку, что, мол, любой район Москвы имел особую окраску. И политически они делились по причинам ясным: окраины в былые дни симпатизировали красным, за правых – Университет, интеллигенцией обжитый, Аэропорт, с советских лет предпочитаемый элитой, а также центр, само собой. Наш город густонаселенный был разноцветным: голубой, багряный, розовый, зеленый... Но, слава богу, есть предел. Уже давно, единством бредя, наш город радостно надел цвета российского медведя. И я, москвич, сегодня горд, что монолитно и сурово Таганка и Аэропорт, Новогиреево, Перово и Кремль – суровый господин над нашим несуразным краем – все голосуют как один. А кто «один» – мы тоже знаем.

Наш город наконец дорос до цельной, правильной элиты! Единоросс! Единоросс! В Мосдуму радостно иди ты!

Еще я помню времена, когда, посулы взяв на веру, за коммуняк была жена, а муж – за «Яблоко», к примеру; когда ходил на брата брат, крича в трагическом запале: «Продался, подлый демократ! Совсем страну разворовали!» Когда, бывало, сын и мать – она крута, и отпрыск грозен – могли и стулья поломать, решая, кто такой Рогозин. **Любая русская семья делилась яростно и четко: с женой часами спорил я, на мать мою ругалась тетка... Теперь период не такой. Любые кошки стали серы. В России мир. В семье покой. Исчезли даже адюльтеры.** Довольно, знаете, толочь водицу в ступе. Всем неловко. Сегодня вместе сын и дочь, сестра, сноха, кума, золовка и дед в сиянии седин (на коже – старческие пятна) – все голосуют как один. А кто «один» – и так понятно. Закрыт мучительный вопрос, и разногласия забыты. Единоросс! Единоросс! Во власть московскую иди ты!

Еще я помню времена – лет пять назад или четыре... И в организме шла война покруче даже, чем в эфире! От страсти плаваясь, будто воск, ища себе единоверца, «КПРФ!» – кричал мне мозг. «Нет, СПС!» – стучало сердце. Просил желудок срочных мер и предъявлял претензий тыщу: ведь при словах «ЛДПР» он извергал любую пищу... «За НБП!» – кричала пасть, ввергая родичей в досаду, а не скажу, какая часть просила выбрать Хакамаду; и лишь седалище (на грех, ему-то слова не давалось) голосовало против всех, поскольку всех равно боялось. Но, к счастью, кончился разлад, уже почти грозивший моргом. Сегодня органы стоят стеною, как единый орган. Теперь ищите дурака – о смысле спорить, как когда-то... Сегодня сердце, и рука, глаза, и печень, и простата, и мозг – суровый исполин, весьма обрадованный этим, – все как один! А тот один – и сам из органов, заметим.

Могуч плечами, как колосс, лицом красивой Афродиты – встал над Москвой единоросс. И мы кричим ему: «Иди ты!»

Хотят и могут

Цитатой-2005 можно считать высказывание Владимира Путина после беседы с Робертом Кочаряном. «Тему «бархатной революции» мы не обсуждали», – заметил президент России. И объяснил почему.

Поговорив немного с Кочаряном, наш президент заметил, не темня, на радость всем российским графomanам и будто бы нарочно для меня: «Армения – в едином с нами стане. Пускай враги ярятся без стыда – мы революций обсуждать не стали: вы Ленина читали, господа? **Он замечал, что революций молот фиgачит человекoв, как котят, когда верхи как следует не могут, причем низы опять же не хотят.** Совсем не в этой стадии Россия. Мы искупаем старые грехи. У нас низы хотят. Довольно сильно. И могут гармоничные верхи».

От этой идиллической картины я заторчал, как Даниэла Стил. Действительно, среди тупой рутины я это счастье как-то пропустил. В моей стране, в ее огромном теле едва струились тощие рубли; низы уже забыли, что хотели, верхи уже забыли, как могли... Не сеяли, не выплавляли стали, совокуплялись вяло и грешно, но органы обвисшие восстали, и поглядите, как оно пошло! Уже и старцев голодом не морят, и рейтинг, словно статуя, застыл... Уже верхи настолько мощно могут, что бледный Запад прикрывает тыл! И ломаются витрины магазинов, и молодежь не косит от кирзы... Разинув рты и лядвия раздвинув, лежат и стонут пыльные низы.

Поэт глядит, восторженно икая, на Родину, познавшую отца, но мнит, что ситуация такая не может продолжаться без конца. Чем чаще нас целуют, обнимают и на диванчик радостно мостят, тем нижние яснее понимают, что не совсем того они хотят! Тем чаще раздается гнусный гогот, тем чаще наблюдаем блеск слезы... Верхи все лучше могут, могут, могут – но все не то, чего хотят низы! Им требуется ласковое слово и более удобная кровать, им хочется чего-нибудь другого, они взывают: «А поцеловать?!» Потом им мало даже поцелуя, им хочется какой-то бутерброд... В недоуменье власть: «Какого *черта* еще тебе?!» – Безмолвствует народ.

Родная власть! Не раз ты нас уложишь, ведь темперамент твой неукротим; не раз еще покажешь, как ты можешь, уверенная в том, что мы хотим. Люби еврея, русского, нанайца, крестьянина, погонщика скота...

Но все же иногда предохраняйся!

Иначе подступает тошнота.

Кони привередливые

*Новогоднее обращение главного Лабрадора страны в предыдущий – 2006
– год Собаки.*

Друзья и товарищи! Братья и сестры! Свободные члены собачьей семьи, чьи зубы, на страх нарушителю, остры, а лапы, к отчаянью дичи, сильны! Сегодня, в полночном таинственном мраке, когда и природа смирна и тиха, позвольте поздравить вас с годом Собаки и с тем, что собака прошла на верха.

Сначала поздравим того, кто в дозоре. Таких в новогодие несколько сот. Всех тех, кто сейчас, супостатам на горе, в ночи пограничную службу несет. Лакнем же сначала за тех, что кромсают преступное горло в неравном бою; кому дрессировщики палку бросают (собака подойдет за палку свою!); за тех, от кого у преступника в жилах вся кровь леденеет и бегаёт зрак! За наших дозорных, за наших служилых, за наших надежных элитных собак!

Теперь об итогах прошедшего года. Двуногий – собаке опора и друг. Большая заслуга собачьего рода – затишье в стране и порядок вокруг. Все лучше живет однородная масса. У каждого в миске хватает костей, иным достается к обеду и мясо, и в этом – большая заслуга властей. Конуры, подстилки становятся краше (не зря же качается нефть из земли!). В истекшем году подопечные наши себя удивительно смирно вели. Сейчас, со статистикой свежей знакомясь (она, как всегда, у меня на виду), хочу подчеркнуть: мой домашний питомец отлично работал в минувшем году! Порою мешает ему проходимец, порой саботирует злой ротозей, но в целом скажу: мой домашний любимец – из самых надежных двуногих друзей! Люблю я побегать зеленою травкой, когда он гуляет со мной на лугу... А ты, оппозиция, лучше не тявкай. Вам, может, на цепь захотелось? Могу.

Конечно, у нас остаются проблемы. Не всем еще нравится доблестный труд. Хватает бездомных (их видели все мы). Досадно, что их иностранцы берут, купив на посулы безоблачной жизни. Границы открыты, но я бы – ни в жисть! Мне кажется, лучше замерзнуть в Отчизне, чем где-нибудь сладкую косточку грызть!

Я думаю, братцы, вдвойне безрассудно сказать, будто жизнь наша – лучше нельзя. С двуногими сложно. С двуногими трудно. Капризны бесшерстные наши друзья. Страдают от голода, ноют от жажды, им жарко на солнце и сыро в тени, за сутки их надо выгуливать дважды – но все-таки нас забавляют они! Не станем, товарищи, спорить о вкусе – но как-то приятно на слух и на глаз, когда они нежно скулят: «Уси-пу-си!» и весело лают: «Апорт!» или «Фас!» **И каждый – задумчивый житель окраин, начальник Кремля или охранник тюрьмы – в гордыне себя называет «хозяин», не зная того, что хозяева – мы!** Но эта проблема – из области вечных. Она к ним пристала, как мясо к кости. А тем, у кого еще нет подопечных, я все же советую их завести. Они развлекают, они забавляют, они доставляют нам «Педигри-пал» и с праздником все-таки нас поздравляют (а мой иногда меня даже купал).

Ну что ж, дорогие! Ночная природа – взгляните на жуковский мирный пейзаж! – затихла в предчувствии Нового года. И год, господа, не какой-то, а наш! Со всеми я мысленно чокаюсь миской и, скромную трапезу с вами деля, лакну за здоровье собаки российской и нежно повою на звезды Кремля!

Родиться вновь!

По опросам ВЦИОМа, четыре пятых наших соотечественников хотели бы родиться именно в России.

С утра я словно солнцем осиян. По данным любопытного ВЦИОМа, четыре пятых взрослых россиян желали бы опять родиться дома. Казалось бы, страна – сплошной изъян, а все хотят родиться в ней повторно! Пусть где-то много диких обезьян, и есть легализованное порно, и продается запросто трава, и обходить законы нету смысла, и даже есть гражданские права, с которыми у нас как будто кисло, – четыре пятых местных горожан предпочитают наши палестины (в отличие от скучных парижан – там патриотов меньше половины). И спрашивали, черти, не в глуши, опрашивали не провинциала, кому родные стены хороши, поскольку, кроме них, он видел мало; не кулика, который хвалит квас, поскольку никогда не нюхал колы, – нет! Питерцы! Москвички! Средний класс! Топ-менеджер! Дитя элитной школы! Окончили престижный институт, проводят уик-энды в Куршевеле – и все хотят опять родиться тут. Карякин бы сказал, что о...ели.

Я – не Карякин. Я скажу не так. Не мне кичиться гречневою кашей, но я в таком ответе вижу знак трезвеющей самооценки нашей. В окрестный сумрак взоры погрузи – и ты узришь ужасные картины: во Франции лютует Саркози, по пригородам снова жгут машины; в Израиле – едва живой Шарон, что может лишь мечтать о прежней силе (на этот раз простил его Харон, но фундаменталисты не простили); по Турции гуляет птичий грипп – в Анталии, должно быть, очень мило... Звучит все это, как последний хрип над нами потешавшегося мира. Мы вам казались дикарями, да? Вы, так сказать, плевали в нашу рану? Теперь у вас такая же банда, и даже хуже, судя по Ирану. Вам предстоит теперь сизифов труд – грозить исламу, сдерживать заразу... Нет, мы хотим родиться только тут! Где было это все, и не по разу! Зато теперь – ни гриппа не видать, ни новых войн. Ищите как хотите – в стране такая тишь и благодать, какую знают только в Антарктиде. Глядишь на Украину, например, где взбунтовалась избранная Рада, где в третий раз меняется премьер, и думаешь: а на фиг это надо?! Не стоит и смотреть на эту гнусь, на этот хипеш, шабашу подобный... Родившись здесь, я как бы остаюсь в утробе, только более удобной.

А если говорить совсем всерьез (ведь новости не каждый день зловещи) – боюсь, в таком ответе на вопрос таится понимание главной вещи. **Ругая всякий день свою страну, страдая от тоски и неюта, я одного признать не премину: что только в ней я нужен хоть кому-то. Отечество мне оказало честь, хоть не дало особых изобилий: я здесь гожусь таким, каков я есть. В другой стране давно б уже убили.** Пусть мы на завтрак не едим бекон, пускай у многих нету туалета, но каждый нарушает наш закон, и Родина легко прощает это. Здесь можно, не умея ни хрена, усвоив грозный вид и тон приказа, за месяц получить миллион грина, а за год – половину нефтегаза. Здесь ни к чему ни мудрость на устах, ни к тайнознанию пылкое влечение, а вот рождение в правильных местах имеет здесь огромное значение! Короче, тут не надо ничего, помимо свойств обычного солдата, чтоб лавром увенчать свое чело. Конечно, риск. Но все умрем когда-то! Поэтому поэты и менты, юристы и заслуженные воры, которые по-братски и на «ты» с правительством ведут переговоры, кретин, по благу влезший в институт, боец-чеченец, нож вложивший в ножны, – мы все хотим родиться только тут!

В других местах мы просто невозможны.

Моление о сала

В начале 2006 года Россия ввела запрет на экспорт украинских мясопродуктов.

Оглядываясь, вижу лишь руины большой страны, где рос когда-то я. Введен запрет на сало с Украины. Пусть торжествует русская свинья! Обидевшись на бывшего вассала, сперва Россия перекрыла газ, а вскорости ввела запрет на сало, сказав, что этим салом травят нас. Страшна ты, государственная воля! Добавил Минсельхоз, скрывая боль, что нет за салом должного контроля. Какой за салом должен быть контроль?! Спецслужбы спят и видят – от кого бы еще спасти Россию, встав стеной... Вот, говорят, что в сала есть микробы. Какие в нем микробы – грипп свиной? С тоски включаю зренья тайновидца: **чем именно ослабленные мы могли от украинцев заразиться? Бациллами оранжевой чумы? Мы много в «Огоньке» о ней писали, она коварна, как злодей в плаще, но полагаю, что она не в сала. И не на Украине вообще.**

Страна не раз над бездной зависала, не первый год в глазах у ней черно, но столько лет мы ели это сала, и вроде не болело ничего! Порой случится в поезде попутчик, которого хохлом зовет кацап. Весь день его историями пучит, всю ночь он издает могучий храп – российская ментальность описала его не раз, вставляя в анекдот... Но вот он достает из торбы сала, бутылку самогона достает, и если не куркуль – то предлагает! И весело мы в поезде летим, и водка от микробов помогает... (Кто сала ест без водки, тот кретин.) А сколько раз душа моя скисала там, в армии! Но я там знал хохла, а у хохла в посылках было сала и даже небольшой запас бухла. Где это он хранил – непостижимо, но тот, кто водку пьет и сала ест в условиях тотального зажима, тот выражает этим свой протест! Ужели тот, кто нынче ест корейку, ведет себя в России, как герой, от оккупантов прячущий еврейку? К тому идет, мне кажется порой.

Конечно, поднатужась хорошенько, народ блокаду сальную прорвет: нельзя из-за какой-то Тимошенко друзьям перекрывать салопровод. Куда бы нас Отчизна ни бросала по прихоти команды удалой, мы вывезем из Украины сала – в консервах, в шоколаде, под полой... С неистребимым страхом инородца я представляю: на рассвете, в шесть, в мое купе таможенник ворвется: «Наркотики, оружие, сала есть?!» А я ему отвечу: «Милый котик! Ужели ты не понял, лоботряс, что сала – и оружие, и наркотик! А впрочем, это верно и про газ...»

На киевлянке я мечтал жениться, с другою киевлянкой прожил год... Допустим, пусть таможня и граница. Меня граница, в общем, не (*волнует*). Весь суверенитет – пустая фраза, и их, и наш. Мы все-таки семья. Я соглашаюсь даже в смысле газа... Но в смысле сала не согласен я! Друг друга не грешно ущучить в малом. Шутил я с киевлянами не раз: «Стоп, газа не дадим, топите салом!» Они мне отвечали: «Жрите газ!» Я не хочу, как мерзостная птица, накаркать кучу мрачных перемен, но если впрямь подобное случится и прекратится наш салообмен, и мы во взгляде Путина усталом увидим вдруг нешуточную месть, они от холодов спасутся салом.

Но водку газом все же не заесть.

Желание быть двойным

На сайте ФСБ России, по адресу <http://www.fsb.ru/contact/contact.htm>, в феврале 2006 года было обнаружено следующее приглашение:

«Российские граждане, сотрудничающие с иностранными разведками, могут связаться с ФСБ России по телефону доверия, с тем чтобы стать агентами-двойниками. В этом случае денежное вознаграждение, получаемое такими агентами от иностранных спецслужб, будет полностью сохранено, и с ними будут работать сотрудники ФСБ РФ высочайшего класса.

Телефон 914–22–22».

Желаю быть двойным агентом! Иметь профессию «двойник»! Желаю получать аргентум сперва у нас, потом у них! Сдавать британцам атом мирный, но чтобы знал об этом ФЭД. Иметь в России кличку Жирный, а в Альбионе – кличку Fat. О жизни этого накала я грезил весь четвертый класс, во дни просмотра сериала, где заявлял о чем-то ТАСС.

О, счастье быть двойным агентом! Озноб, горящее нутро, проход с секретным документом по гулким станциям метро... О, страха знобкая болтанка! О, риска сладостный ожог! Пароль: «Простите, где Лубянка?» – и отзыв: «Вот она, дружок!» Да, быть одним из миллиона, судьбу Земли держать в руке, оставить папку у шпиона или в секретном тайнике, а после, вымокши от пота и от удач захорошев, – туда, где главная работа, где главный долг и главный шеф. Вокруг бурлит людская масса, кипит, закручиваясь в жгут... Специалисты экстра-класса меня в секретном месте ждут. Весь в предвкушении пролезу в глухой заброшенный подвал... «Ну что, вы передали дезу?» – «Товарищ Пронин! Передал!» И видя, как, покорно-смирный, я скромно перед ним стою, он скажет мне: «Спасибо, Жирный!» – «Служу Советскому Сою...»

Я верю телетайпным лентам: шпионов вновь у нас полно. Желаю быть двойным агентом! Двойным я стал уже давно: разочарован в патриотах – но либералы мне враги; на двух работаю работах в упрямых поисках деньги. В совок я не хотел бы снова, но много взял бы из совка... Меня, мучительно двойного, заметь, родимая ЧК! В моей груди пылает пламень, не дай ему дотлеть в дыму. Хочу найти секретный камень и тайну выложить ему. Пусть знают, сволочи, в Нью-Йорке или на Потомаке-реке, что говорили на планерке в секретном нашем «Огоньке»! Инфляцией замучен лютой (ее отнюдь не погребли), я получать хочу валютой, а от своих иметь рубли... Но я не жажду подаянья. С поэтом лучше не шутить. Хочу блаженство покаянья со страшной силой ощутить! Хочу сказать по телефону – смотрите номер наверху: «Я выдал «Огонек» шпиону! Все рыло у меня в пуху!» И скажет мне незримый Пронин, бессмертный, как Мафусаил: «Теперь ты будешь двусторонен. Благодарю, что позвонил».

Как Пиркс – герой рассказов Лема, я стал бы выдержан и крут... Но у меня одна проблема: меня британцы не берут, американцы не вербуют, кося под тихих простаков... Я говорю им: «Do it, do it!» – они в ответ: «Fuck off, fuck off!» Порой мне хочется по пьянке служить Лубянке просто так – но на фиг нужен я Лубянке, коль мной пренебрегает враг?! Уйди ты, скажут, не позорься. Пиши стишонки, паренек.

Ау, британское посольство! Пишите мне на «Огонек»!

Сам себе Горбачев

В дни юбилея первого президента СССР стало понятно: страна невзлюбила его за то, что он дал ей свободу.

По нашим меркам, юный и красивый, он потащил Россию на горбу и бросил все недюжинные силы на антиалкогольную борьбу. Тогда его роман с народной гущей явил свою двусмысленную суть: он бросил пить (да он и был непьющий!), но прочие не бросили отнюдь. Вот так он ощутил себя в пустыне. Коварное свершилось волшебство: чего бы он ни затевал отныне – все для него годилось одного. Не выдумать проклятия лютее: Отчизны безраздельный господин, он сам платил за все свои затеи – и по своим законам жил один. Когда страна устала от старенья, властям уже в открытую грубя, он изобрел доктрину ускоренья, однако смог ускорить лишь себя. В отличие от среднего министра, подобного медлительным теням, он быстро говорил, и думал быстро, и так же быстро кресло потерял. Как только перестройку он устроил, избавясь от дряхлеющих химер, он сам себя успешно перестроил на перспективный западный манер, отринул облик грозного генсека, сменил словарь, и шляпу, и пальто, но местного простого человека не перестроит, думаю, никто.

Когда он дал Отечеству свободу, являя неожиданную прыть, то вольница потребовалась сброду лишь для того, чтобы его урыть. Раздался мрачный гул из преисподней, ворвался запах серы и углей, никто не стал ни чище, ни свободней, но половина сделалась наглей. Он это все терпел – и тем потряс нас. Кричали: «Лжец! Иуда! Ренегат!» И вскорости исчерпывалась гласность лишь тем, что все могли его ругать.

Когда он отворил врата на Запад, как открывают пафосный отель, и публика почувствовала запах халявы, доносящейся оттуда, и страстно, как Коперник к телескопу, припала к щели в каменной гряде, и устремилась в Азию, Европу, Израиль, Штаты, далее везде, балдея от свобод, от изобилий, от фуа-гра и красного вина, – его по всей планете полюбили, а нас не полюбили ни хрена. Но, обижаясь или ерепенясь, признаемся, проныры и врали: он вел себя как истый европеец, а мы совсем не так себя вели!

Устав от казнокрадов, казнокрадок и прочего родного бардака, он захотел ввести в стране порядок, прикручивая гаечки слегка. Чтоб усмирить врагов и разгильдяев, он грозно посмотрел из-под очков – и на олимпе выросли Янаев, железный Пуго, Павлов и Крючков. Он был бы вправе ожидать идиллий, он думал, что смирится большинство, но никого они не посадили, а заперли в Форосе лишь его. Оплеванный в освобожденной прессе, покинутый народом, так сказать, он стал одним объектом всех репрессий, которые грозился развязать. Потом промчалось меньше полугода – и стал другой хозяином в доме. Добавим, что законность и свобода понадобились только одному: не прибегая к жалобам и стонам, покинул он родное шاپито, уйдя в отставку строго по законам, и больше так не уходил никто. Родная героическая фронда привычно улюлюкала вослед. Он ничего не взял, помимо фонда (а если честно, то и фонда нет).

Его не понимаем до сих пор мы. И не пойдем, должно быть, никогда. Одно понятно: все его реформы лишь для него годились, господа. **Россия же верна своей природе, как то у нас водилось испокон... Лишь он один умеет при свободе не воровать и соблюдать закон, с уверенностью русского де Голля с трибуны говорить почти полдня – и делать это все без алкоголя, чего не вышло даже у меня.** Пускай заря пылает кумачово, пусть демократы смотрят веселей, поздравим с юбилеем Горбачева, он заслужил народный юбилей! И хорошо, что, «муж суров и правед», без земляков, охраны и ЦК он в наше время лишь собою правит.

Мы до него не доросли пока...

Божий спирт

Астрономы при помощи телескопа MERLIN обнаружили в нашей Галактике облако метилового спирта протяженностью 463 миллиарда километров. Возможно, именно в этой области рождаются новые звезды.

В небеса гляжу – и мне не спится. Выхожу курить, надев доху. Облако метилового спирта тихо проплывает наверху. Сбрасываю скуку и усталость. Не сидится в четырех стенах. Вот что Маяковскому мечталось в эпилоге «Облака в штанах»! Знать, не зря поэты всех народов, лучшие земные голоса, рассекали толпы пешеходов, воздевая очи в небеса. Небеса задумчивы и грозны. Мокнет крыш ржавеющая жесь. Но не зря мы все глядим на звезды, повторяя: «В небе что-то есть!» Что-то есть. Оно насущней хлеба и важней рабочего стола. Заболтавшись, ветренная Геба половину кубка пролила. Видимо, Господь, творя умело наши кособокие мирцы, тоже уважает это дело, как и все реальные творцы. **Выхожу один я на дорогу (или с кем-нибудь иду в кусты), наливаю и пеняю Богу: «Господи, чего наделал Ты?» Глядя на серебряную реку весело мигающих светил, Бог глотает звездный свой метил и в ответ пеняет человеку: «Ну а ты чего наворотил?»** Так мы выпиваем вместе с Богом, спирт Его течет по бороде, пьем себе и говорим о многом: «Есть ли Ты? И если да, то где?» Хоть людей метиловые пьянки превращают запросто в калек – Богу можно вылакать полбанки, потому что Он – не человек.

Млечный Путь – серебряная спинка древней рыбы среди небесной тьмы... Здесь, в России, кто ж не любит спирта? Кто ж его и любит так, как мы? Уроженцы города, села ли, белый викинг, смуглый азиат... Не за ним ли Юру посылали сорок пять годков тому назад? Как бы он такой полет осилил, если бы, как светлое крыло, над полуразрушенной Россией облако такое не плыло? Нет, не MERLIN, электронный разум, славный в государстве островном, – это невооруженным глазом разглядел российский астроном. И среди мучительного быта, в вечной неурядице, в грязи космонавту дал наказ Никита: «Долети туда! И привези!» Впрочем, мне фантазии хватает и не на такой еще рассказ. Может, там, в Галактике, летает русский стратегический запас? От врагов спасаючи заклятых, что грозили русским, как орда, может, мы его в пятидесятых вывезли на спутниках туда? Он сияет там, смущая прочих, недоступный для бандитских НАС. Это мы, я знаю этот почерк. Так никто не может, кроме нас.

Или, может, низкая доходность привела давно уже к тому, что вспорхнула русская духовность и снялась в космическую тьму? Может, среди космического флирта Марса и Венеры, не спеша, облаком метилового спирта пролетает русская душа? Тяготят объятия грехов нас, грустно нам на крайнем рубеже... Ищем, ищем: братцы, где духовность? А духовность в космосе уже...

Отражаясь в Черном и Каспийском, медленно скользя по зыби вод, облако, пропитанное спиртом, по родной Галактике плывет. Наполняет негою и праной наши беспокойные умы. Понимаю: мог бы только пьяный замутить такой проект, как мы! Мы, от инфузории до лося, от лианы до полезной ржи... Боже, если столько пролилось, сколько же Ты выхлебал, скажи! О, насколько нам тебя хватило бы, ледяное звездное вино!

Впрочем, если бы он был этиловый, мы его бы выпили давно.

Подражание Вознесенскому

Член Общественной палаты при президенте России Евгений Велихов направил Борису Грызлову письмо с предложением штрафовать чиновников за употребление слов «евро» и «доллар». Это, по его мнению, повысит авторитет российской валюты.

Я не знаю, как это сделать, но прошу, товарищ ЦК, снять названия чуждых денег из русского языка. Стыдно нам, прожившим десятки не особенно легких лет, слышать в долларах сумму взятки. Что, российской валюты нет? Предлагаю публично высечь, как всегда велось на Руси, тех, кто требует десять тысяч евробаксов. В рублях проси! Я не враг самой взяточдачи – здесь безрукий и то берет. Так бери, раз нельзя иначе, но хотя бы как патриот!

Я двумя руками за Велихова. Я люблю боевых мужчин. Поощрить бы на самом деле кого – так его, за лучший почин. Я просил бы без спора долгого эти штрафы ввести в стране: брать за «доллар» – в размере доллара, а за «евро» – в компрене². И тогда мы в случае лучшем, контролируя наш бомонд, всех от импортных слов отучим! Ну а в худшем – треснет Стабфонд.

Пусть Губенко воюет с матом и с картинками неглиже – с этим вызовом мелковатым разбирался я тут уже. Но такого, братцы, шедевра от мыслителя-чудака, как запрет на доллар и евро, мы не видывали пока. Чтоб упрочить здесь гигиену и очистить родимый край, я еще запретил бы йену – лира ладно, лира пускай. А еще мне очень противно, добавляю комплекта для, украинское слово «гривна», ибо гривна больше рубля.

Как поэт, я считаю долгом заявить в стихах, господа, что противного слова «доллар» не любил вообще никогда. Я желал бы добавить гневно, что и к евро я не добрей: в неприязненном слове «евро» «невро» слышится и «еврей». То ли дело родимый рублик! Это врут, что он невелик. В нем мне слышится слово «бублик», слово «облик» и слово «блик». В нем и привкус котлеты рубленой, и трубы водосточной жесь, и от русской жизни загубленной в нем пронзительный призыв есть...

Пусть Госдума выше возденет этот велиховский призыв: уберите Франклина с денег, пальцем Западу погрозив. Наша фирма не вяжет веников и не любит западных слов. Пусть на долларе будет Велихов, а на евро, скажем, Грызлов. Это больше иранской бомбы удивит заграничный люд.

Баксы делать из этих лбов бы – тверже не было бы валют!

² Vous comprene – вы понимаете (фр.).

Памятник

Петербургские пенсионеры требуют восстановления памятника Сталину в городе или области.

В столице на Неве (хотя товарищ Сталин ее и не любил за непокорный нрав) хотят, чтоб памятник тирану был поставлен. Я думаю, народ на самом деле прав. Их много в Питере – раздетых, пеших, конных, и львов, и Кировых у каждой проходной, атлантов, и лепнин, и завитков балконных – не рухнут небеса из-за еще одной. В былые времена (тому годов и ста нет) вождь гробил питерцев, как некий фараон... Но если б Сталин знал, чьей родиной станет сей город на Неве, его берег бы он!

Я в принципе за то, чтоб жажущим в угоду расставить по стране советских заправил. Вон Ленин-то стоит, а он небось народу не меньше Сталина за жизнь передал. Не верю, что народ когда-то был свободным: он статуи взрывал, от страха трепеща. Все это делалось не мнением народным, не волей бунтарей, а манием Хруща. **Реформы русские обычно мимо кассы. Что демократия! – не грабили хотя б... А вот вернуть вождя как раз желают массы. Пусть массы сделают, чего они хотят.** Воспитывать грешно, витийствовать довольно. Другого нет у нас наследия отцов. Пускай страна в ярмо влезает добровольно: ей будет некого винить, в конце концов. Чтоб статую вернуть, у всех свои резоны. Не должен отвечать за всех один грузин! По всей родной стране разбил бы я газоны и в центре каждого по бюсту водрузил. Отечество мое! Ты от Гайдара ноешь, на Грефа сетуешь с утра до темноты, а вот тебе Ежов, Вышинский, Каганович: сравни, любезное, кого терпело ты! Вот наше прошлое. К чему язык эзопов? Вся карта – памятник мучительных годин. Я Рыбинск бы назад переименовал в Андропов: рыб множество в стране – Андропов был один! И чтоб на постамент – цитаты, бредни, фразы: не из учебников, а подлинные, те! На то и памятник, чтоб помнили, заразы. А то забыли все и просят о кнуте.

Да! Вижу в этом я не вызов, не угрозу – приметку времени. Вертись же, колесо! Не знаю лишь пока, какую выбрать позу и антураж какой для грозного Сосо. Какой бы жест найти достаточно победный? Весь Питер в статуях, не свергнутых пока. На медном скакуне воздвигся Всадник медный, и руку протянул Ильич с броневика; вот Катя в садике, на молодежь глядя, торчит среди кустов, построенных в каре; вот Пушкин ручкою у Русского музея как будто пробует – не дождь ли на дворе. На что бы водрузить тебя, герой отважный, телами подданных мостивший нашу гать? На лошадь, может быть? – но ты ездок неважный: ты ездил лишь на тех, кто не умел лягать. Поставить бы тебя на небольшую площадь в холодном Питере, раз Питер захотел, но вижу под тобой не броневик, не лошадь, а упомянутую грудку мертвых тел. Вот славный постамент. Вернись сюда, скиталец, двукратно свергнутый, и обрети покой, Отечеству большой показывая палец (на демонстрации я помню кадр такой). Все, дескать, правильно! В порядке варианта – не палец будет пусть, а с той же пленки нос. Вот будет памятник – тебе и нам приятно. И точно, главное. Прими мой первый взнос.

Отключенные

В столице начался сезон отключения горячей воды. Три недели профилактики – и вы взглянете на жизнь по-новому.

О счастье! Не стало горячей воды. Вот, значит, и лето настало в державе. Незримое РЭУ взялось за труды, а мы, как обычно, побудем моржами. Всегда коммунальщики после зимы воды нас лишают. О власть ностальгии! Теперь уже ясно, что это не мы, не мы, не жида, а другие, другие! Зачем профилактика – сам не скажу. Не знаю. Тем более – на три недели... Но людям на пользу, понятно ежу, чтоб мы без горячей воды посидели. Полезны лишения и тяготы – раз. Нам надо понять с прямою предельной, что жизнь незаслуженно балует нас. Вон Пушкин в Михайловском жил без котельной! **Я, может быть, способом этим простым решил бы вопрос поколенческой связи: почувствуй себя Достоевским, Толстым... Наташи Ростовы, и Мышкины-князи, и все, кем культурные люди горды, поэты, мыслители, архиереи – все жили тогда без горячей воды! И даже без, блин, паровой батареи.** Я, может, порой отключал бы и газ, и свет иногда, профилактики ради, – почувствуй себя, как трудящийся класс! Как воин в окопе! Как Питер в блокаде! Как пахарь, пустые хлебающий щи, как В. Маяковский, творивший в разрухе... А счастья источник в себе отыщи – не в пошлых удобствах, а в творческом духе.

Замечу второй утешительный плюс. Обычно нечасто я вижусь с друзьями, а тут – постоянно к друзьям тороплюсь: «У вас отключили? Помыться нельзя ли?» У нас коммунальные службы мудры. Звонит моя дочь, молодая девица: на Ленинском все раскопали дворы, зато на Мосфильмовской можно помыться! И вот с полотенчиком едешь к друзьям – на Курский, Тишинку, на площадь Свободы, – и телу тепло, и на сердце бальзам. А так бы еще не увиделись годы.

Опять же и третье добавлю в разряд пленительных плюсов, отмеченных нами. Стихийные бедствия как-то роднят, особенно если они не цунами. «Грядет расслоенье! – кликуша орет. – Разрушена нация! Будет, как в Чили!..» А в мае мы снова единый народ. «У вас отключили?» – «У нас отключили!» Хрущоба и башня, крепыш и больной, богач и бедняк, депутат и путана себя ощущают единой страной, вздыхая при виде горячего крана. Пускай не торопятся трубы разрыть, пусть вовсе не чинят (и это не чудо)... А главное, можно посуду не мыть, а есть с одноразовой. Тоже посуда.

Ликуй, детвора! Закаляйся, страна! Учись лишь одним обходиться из кранов – от этого станешь бодр и сильна, как учит учитель Порфирий Иванов. Смеясь, под холодной струей стою. Советскому жителю нет переводу. О, как мы горячую пустим струю, когда возвратят нам горячую воду!

Коэльо едет

Весной 2006-го бразильский писатель Пауло Коэльо совершил поездку от Москвы до Владивостока и нашел много общего у России и Бразилии.

Коэльо едет по России. Он повторяет: «Ай лав ю», с улыбкой кроткого мессии распределяя интервью. Как фат, собравшийся жениться, он быстр. Глаза его остры. Он едет, словно Солженицын, но не в Москву, а из Москвы. Его на всех вокзалах толпы качают, встречаю горды. Ему несут в подарок торбы матрешек, ягод и еды. Всяк умоляет: «Дай автограф!» Ведут и в баню, и в сельмаг. Судачат местные: «А кто, брат, такой приехал?» – «Светлый маг!» Дождливо накануне лета. Сухого места не найдешь. «Коэльо, блин! Ты воин света!» – кричит из лужи молодежь. Однако мага что-то гложет. Смирная собственную прыть, он шепчет под нос: «Быть не может». Кричит во сне: «Не может быть!»

Коэльо едет по Сибири. Над ним охранник держит зонт. При встречах лыбится все шире его встречающий бомонд. Администрация готова припасть к руке его, к ноге; все повторяют слово в слово: «Мы любим вас у нас в тайге!» Коэльо всюду слышит крики: «Нигде вас лучше не поймут! Мы без ума от «Вероники» и чтим «Одиннадцать минут»! Нам ваше каждое изделие на память просится само!..» – «Не может быть!» – кричит Коэльо. И повторяет: «Быть не мо...»

Коэльо едет вдоль Байкала. Его вагон широк, как дом. Он пьет из тонкого бокала сок апельсиновый со льдом. Меняют блюда и подносы, подносят киви и хурму, а пресса задает вопросы, как надо жить и почему. Все умоляют: дай ума нам, спаси, останови развал! А шарлатаном, графоманом никто ни разу не назвал! Никто не рявкнул грубым матом, дурных намерений – ни в ком, владивостокский губернатор в порыве чувств назвал братком... **О нем одном страна судачит, о нем одном мечтает Русь. «Не может быть! – Коэльо плачет. – Сейчас в Бразилии проснись! Пора назад, в родную келью!» – бормочет, запахнув пальто...**

Но тут доносят, что Коэльо желает видеть Кое-кто. И приглашает с этой целью на площадь, главную в стране. «Отлично! – думает Коэльо. – Уж он-то правду скажет мне».

Выходит он из самолета в Москву, в сияющую тьму. Во тьме к нему подходит Кто-то и провожает к Кой-кому. С повадкой вежливой и плавной слегка испуганный мудрец ему речет: «Ты самый главный. Открой мне тайну наконец! Но только честно, кроме шуток. Я честно знаю свой шесток. Я, как король, двенадцать суток в вагоне ехал на Восток, я интервью давал вначале и сигнатуры без конца, меня как гения встречали и провожали как отца, – везде, трюизмы изрекая, я обращался к небесам... Но я посредственность такая, что это знаю даже сам! Ужели обкурилась дури на это время вся страна? Ведь всей моей литературе в базарный день пятак цена! Слова пустые, разум птичий, идеи девственно просты... Ужель у вас такой обычай – богов творить из пустоты?!»

И Кое-кто, скользнув расческой по бледно-русые волосы, ему сказал с усмешкой жесткой:

– Да. Это так. Проверил сам.

За всех!

Госдума в первом чтении проголосовала за отмену графы «Против всех».

Снимаются последние вопросы. Все громче, заразительнее смех. И вот еще восторг: единороссы расстанутся с графой «Против всех». Пристойно только пьяному поэту, пропившему патриотизм и честь, мечтать о том, чего в России нету. Учись голосовать за то, что есть!

Как следует вдохнем и громко скажем, чтоб слышали и в Штатах, и в ЕС: «Кто против всех, тот хочет саботажем сорвать демократический процесс».

Прошла эпоха ангелов и пугал – отныне мы реальность изберем. Россия вечно ищет пятый угол. Пора уже привыкнуть к четырем.

По «Против всех» давно цензура плачет. В самой формулировке – смертный грех. Когда ты против всех, то это значит, что ты и против этих... то есть тех... короче, тех, кого никто не против! Они хранят наш общий каравай! А ты бормочешь, рожу скосоротив: мол, мне еще кого-то подавай... Другой пример. Заходишь в ресторан ты и требуешь, не проглядев меню, уху из осетровых, виски, манты, сациви и компот из ревеню. К тебе толпой бегут официанты, а ты, в плохой работе их вина, все требуешь свою уху и манты и кислый свой компот из ревеня... Чего ты смуту пестуешь, раскольник, наносишь заведению урон? Ведь сказано тебе, что есть рассольник и порция ослизлых макарон! И жирный нож, и грязная посуда в расчете на простого едока. Ты против макарон? Иди отсюда. Мы никого не держим тут (пока). Ступай к бигмаку, к ростиксу, к фастфуду, где на еде – растления печать, и получи бумажную посуду, и там права попробуй покачать! А мы открыты кротким и покорным, которым хоть хаами, хоть плшой в глаза. Кто против макарон – того не кормим. И по нечетным кормим тех, кто за.

Любой демократический инспектор поймет, что мы блюдем свои права: у нас же, блин, представлен полный спектр! Брюнет, блондин, шатен и лысых два! Все разное – от роста до работы. Пускай народ спокойно изберет. А то, что все по взглядам патриоты, – так кто у нас теперь не патриот?

Короче, несогласный, вон отсюда. Да здравствует единство без прорех. А я хочу, для довершенья чуда, ввести еще одну графу: «За всех». Я этого потребу прилюдно, поскольку лозунг – в духе наших дней. Все так милы, что даже выбрать трудно. Так уж назначьте сами. Вам видней.

Флаг в руки

Госдума разрешила вывешивать государственные флаги всем, кто хочет. Причем не только в праздники, но и в будни!

В слезах обнимаются внуки и деды. Все в шоке. Замри, злопыхатель, и ляг. По случаю всякой российской победы теперь разрешается вывесить флаг! Еремин-герой, Крашенинников-гений пробили решение. Такие дела. Ведь у государственных лишь учреждений всегда привилегия эта была! Бывало, по случаю роста Стабфонда хотелось мне вывесить флаг из окна, чтоб знала российская кислая фрonda, как наша мощна перманентно полна. **Хотелось воскликнуть: «Отечеству – слава!», гербом двухголовым украсить балкон... Но этого чистого, гордого права нас прежде лишал устаревший закон. Уж как мы от этого выли, бедняги! Бывало, у нас на восьмом этаже всем хочется вывесить русские флаги, мы даже и флаги пошили уже, – не вывесить знамени, сколько ни сетуй. Не выкрикнуть: «Слава Отчизне родной!»** Другие проблемы в сравнении с этой казались нам попросту жалкой фигней. Да, был я бесправным, нагим и босым был, щетинисто-колким, подобно ежу, а нынче любой государственный символ достану и запросто всем покажу! Пою, не жалеючи данных природных, чтоб слышал и Запад, и весь закордон: «Союз нерушимый республик свободных!» – простите, ошибся, опелся, пардон: «Россия – священная наша держава, Россия – любимая наша страна!» И флаги полощутся слева и справа, и гордость всеобщая обострена.

Как поводов много для вывески флага! Бывало, ругали мы наших вождей, а нынче любое решение – благо, и даже не знаешь, какое важней. ХАМАС ли в Кремле принимают со славой, отменяют отсрочки для юных салаг, грузинские вина объявят отравой – немедленно хочется вывесить флаг. Рамзана Кадырова сделают главным, коварному НАТО покажут кулак, Устинова снимут решением плавным – немедленно хочется вывесить флаг. Объявят Андропова белым-пушистым, великим проектом объявят ГУЛАГ или антифашиста объявят фашистом – немедленно хочется вывесить флаг! Строптивый ли Киев поссорится с нами, толкает ли Чейни речугу свою – опять-таки хочется вывесить знамя, чтоб знали, как я за Россию стою. В глазах закипает умильная влага, теснится в сознании лозунгов рать... А ежели кто-то не вывесит флага – всем ясно, что можно являться и брать.

Не знаю, дождемся ли мы, бедолаги, решения Госдумы короткой строкой, что можно вывешивать разные флаги – кому по характеру ближе какой. В походе за счастьем, крутом и тернистом, мы многое знали на нашем веку. Достанется красное пусть коммунистам, а «Роджер веселый» – налоговику... А тем, кто устал от российской бодяги, безвыходно длящейся тысячу лет, пора бы вывешивать белые флаги.

Авось пощадят.

Но похоже, что нет.

Девиантная рота

Деградация призывников, а вовсе не дедовщина – вот истинная причина многочисленных самоубийств солдат-срочников в железногорской воинской части. После проверки было решено часть расформировать.

Близ Красноярска, под Железногорском, стоит большая воинская часть. Она на положении изгойском: Господь, не приведи туда попасть. Вся армия – не сахар для народа: там голод, дедовщина и т.п., но здесь страшнее. Здесь с начала года уже случилось десять штук ЧП. Съезжались компетентнейшие лица: чего случилось? Все же не война. Один солдат пытался удавиться, другой недавно выпал из окна. Быть может, командиры жестковаты? А может быть, продслужба стала красть? Короче, в Красноярске депутаты задумали проверить эту часть. Ведь ежели здоровые мужчины, которым жизнь покуда дорога, бегут и даже мрут от дедовщины – что будет от реального врага?

Чтоб в вере укрепились маловеры и чтоб от церкви был реальный толк, задумали принять крутые меры – и освятили невезучий полк. Чтоб прекратились образом волшебным побегги, самострелы и бардак – в проблемный полк отправились с молебном священники при белых бородах. Они молебен чинно отслужили, святой водой казарму окропив, – и, повинувшись православной силе, нечистый было сделал перерыв, чтоб неповадно было прессе лживой кричать, что наша армия больна! Но через месяц юноша-служивый опять случайно выпал из окна. А что ж он думал? Служба не для слабых! Но он в живых остался, как на грех, и объяснил: деды желали бабок. А он никак не мог достать на всех.

Как это понимать? Дошло до верха. Созрела исполнительная власть, и скоро прокурорская проверка отправилась в таинственную часть. Обследовала кухню, вход и выход, проверила казарму, фас и тыл – и вскоре обнародовала вывод, который всех утешить должен был. Как оказалось, все не так уж горько. Нет дедовщины в части боевой. А попросту в район Железногорска ссылали тех, кто болен головой. Деды, быть может, есть, но только горстка. За этим в части пристально следят. А главная беда Железногорска – преобладанье рехнутых солдат.

Ну слава богу! Нету дедовщины. Идет себе нормальный ратный труд. Неясно, правда, для какой причины несчастных психов в армию берут? Чтоб угрожать расслабленным Европам? Мол, вот ликует русская орда, ложитесь все! Но почему их скопом засовывают именно сюда? На пользу ль им железногорский климат – целебная вода, сухой песок? А может, психи армию поднимут – ведь дух у них, как водится, высок?

По крайней мере, красноярский гений, пославший в часть проверку из СибВО, нам предложил одно из объяснений, способное утешить хоть кого. В родном экономическом пейзаже в последние четыре сотни лет все навевает мысль о саботаже и даже о вредительстве – но нет! **Министры, ФСБ, экономисты, весь интеллектуальный фонд страны – вы полагали, на руку нечисты? О нет, они психически больны! Солдаты, кандидаты, депутаты, крутые отмыватели лаве, братки, менты ни в чем не виноваты. Им не хватает масла в голове.** Ведь все – от нервов. От такой работы. От страшных снов (по Фрейд-старика). А так они, конечно, патриоты. И профессионалы. Но ку-ку.

И если вам покажется когда-то (случается крошиться и кремню), что я пишу порою резковато, а иногда и попросту хамлю, не возглашайте, братцы, с колоколен, что Быков – враг прогресса и труда.

Я, может быть, и сам душевно болен, и вы ничем не лучше, господа!

Анафема

В 2006 году Мадонна впервые выступила в России. Ее приезд, конечно, был обставлен многочисленными скандалами.

В Россию движется Мадонна, чья совесть очень нечиста, самонадеянность бездонна, а бабок просто до черта. Она брильянтами блистает, и дразнит публику свою, и миллион условий ставит – иначе, дескать, не спою. Перед концертом – свежих вишен, среди концерта – апельсин, убрать из номера кондишен (она несовместима с ним), на ужин – мед, на завтрак – пудинг, в постели – черное белье. И чтобы лично принял Путин на Красной площади ее!

Мы помогли бы ей с бельишком, дадим и йогурта, и мед, но чтобы Путин – это слишком! Пускай, когда она поет, визжат, от радости икая, все нимфоманки на земле, но, братцы, кто она такая, чтоб принимать ее в Кремле? Она певец срамного низа, нечистой совести певец! Она не Буш, не Кондолиза, не Блэр, не ванна, наконец! Едва ли наша власть упрочит авторитет в ее лице. К тому же этого не хочет и ФСБ. И РПЦ.

Уже народные мессии, объединенные в союз «За возрождение России» (боюсь, сограждане, боюсь!), решили выразиться ярко, испортить девушке жите – и попросили патриарха предать анафеме ее. А с ней, для полного концепта, чтоб устрашилось большинство, и организаторов концерта, и посетителей его. Посланье, страшное по тону, приятно русскому уму: предать анафеме Мадонну не удавалось никому.

Меня отчасти ободряет и утешает, например, что РПЦ не одобряет подобных радикальных мер. Едва ли нам прибавит веса проклятье в адрес поп-звезды. Нас не поймет родная пресса, чьи руки потны и грязны. **Но сколько б суффиксов и флексий ни громоздил писучий люд – однако патриарх Алексей насчет Мадонны очень лют. Он избежал проклятий явных, чтоб не запугивать приход, но призывает православных Мадонне объявить бойкот.** Пакет духовного попкорна отсюда должен быть изъят! И православные покорно билеты возвращают взад и говорят, сложив ладони: «Чикконе, хватит срамоты!», и шлют послания Мадонне: «Приедешь, дрянь, тебе кранты! Ты строишь из себя крутую? Возьмись за разум и остынь. Кто с чем придет на Русь святую – тем и накроется. Аминь!»

О да, Мадонна в самом деле – не ангел, Господи прости. Но будь я Путин – в самом деле не знал бы, как себя вести! Страна больна и тяжело бредит. Играют кто во что горазд: одна без Путина не едет, другой анафеме предаст... Однако, в свете новой моды на церковь и святых отцов, есть вариант, который мог бы устроить всех в конце концов. О Путин! Действуй необычно, как некий доблестный джедай: прими в Кремле ее – и лично ее анафеме предай!

Грызуны

Главный санитарный врач России Онищенко заявил, что одна из главных бед современной России – небывалое засилье грызунов. Так вот в чем дело!

В России очень много грызунов. Подобный инцидент для нас не нов, привычен нам, и мы к нему готовы. Во всем у нас виновны грызуны (иначе, население страны, подумаете не то вы). Онищенко, наш общий поводырь, вчера озвучил свежую цифирь, пугающую, как порывы ветра: мы замерли на страшном рубеже. Один грызун приходится уже на каждые два квадратных километра! Да, тут система, а не эпизод. Повсюду кто-то что-нибудь грызет. От скрежета закладывает уши. Амбар изгрызен, склад продуктов пуст. Куда ни кинься – всюду слышен хруст, стоящий над восьмой частью суши.

Покончить с грызунами не пора ль? Взгляните: кем изгрызена мораль? Кто по ночам, от страха холодея, но тем жадней нацеливаясь есть, ворует нашу совесть, нашу честь? Кем сгрызена и русская идея? Идешь на рынок, в баню или гальян, в кино, в метро – везде сидит грызун. Источены зубами верх ли, низ ли... Грызун страшнее сотни анаконд. За этим и выводится Стабфонд, чтоб паразиты здесь его не сгрызли! Зайдешь в парламент – крысы там и тут: разъелись – аж трещат и все растут... Откроешь прессу – всюду писк мышинный. Когда бы не засилье грызунов, уже давно Сергей бы Иванов решительно покончил с дедовщиной! **Уставши беспредельничать и красть, грызутся оппозиция и власть и «Родина», чей рейтинг очень низок. Вон, челюсти держа наперевес, безжалостно догрызли СПС, от «Яблока» оставили огрызок...** Казалось бы – живи себе, страна! Нефть дорожает, денег до хрена... Ликуй да пой хвалы, пока никто тебя не перегрыз! Но в государстве, где избыток крыс, от всякого прибьтка мало проку. Под звуки перегрызенной струны отгрызены окраины страны – живой укор российскому бессилью. Все сгрызено: свобода мыслей, слов и творчества. Остался лишь Грызлов, пощаженный, должно быть, за фамилию.

Бывает иногда – поймашь мышшь и на нее в смущении глядишь: ужели этим неказистым тельцем и зубками, что день и ночь грызут, и СМИ разрушены, и суд, и все, что сдали Горбачев и Ельцин? Они грызут трубу и провода – и вымерзают наши города... Вся наша жизнь – один привычный вывих. В Отечестве воруют искони, но неужели это все они?!

Они, они, Онищенко, лови их!

Китайский синдром

Китайские власти предложили свои трудовые резервы Нижегородской области, где пустуют тысячи га земли. Губернатор Шанцев вроде бы не против, но общественность встала насмерть.

Здрате, здрасте, тетя Рая! Как здоровьечко у вас? К вам посылка из Китая, в ней сидит рабочий класс. Он приехал из Китая, чтобы здесь начать с нуля, обрабатывать желая ваши русские поля. Будь земля у них в Китае – так они бы, почитай, никогда б не покидали свою родину Китай. Уезжать всегда несладко, это знает даже еж, но у нас людей нехватка, а у них хоть попой ешь. Вариант ничем не страшен – совместить бы нам всерьез свой избыток нив и пашен с их избытком китаез! Но трудягам желтоватым пальцем Новгород грозит. Пахнет штурмом и захватом их непрошенный визит. Не толкайте нас, ребята, в адской пропасти жерло. Ведь проснемся мы когда-то, а кругом желтым-желто!

– Дорогой товарищ Шанцев! – раздаются голоса. – Не пускайте иностранцев в наши русские леса. Русский волк и русский заяц – все животные, прикинь, говорят: уйди, китаец, убирайся в свой Пекин! Да, у нас стоит работа. Да, по горло мы в грязи. Хочешь к нам везти кого-то – гастарбайтеров вези! Им открыты наши двери, их и так полно везде, их держать, по крайней мере, научились мы в узде, их готовы взять до кучи мы гурьбою и гуртом... Но китайцы – это ж круче! Их не выведешь потом! Это хуже, чем цунами. Нам давно они грозят. Ни судами, ни скинами их не выгонишь назад! Что тут будет, посмотри сам, призадумайся, прошу: будут лопать мясо с рисом и китайскую лапшу, обустроятся шикарно, скажут семьям: «Приезжай», будут впахивать, как Карло, получая урожай, от заката до рассвета, не бросаючи труда... И окажется, что это – их земля. А нам куда?!

– Мне ваш пафос ясен, дети, – Шанцев рек, невозмутим. – Но ведь вы пахать, как эти, не хотите?

– Не хотим! Но уж лучше мы в болото превратим Отчизну-мать, чем допустим хоть кого-то нашу Родину пахать! Лучше сгинем друг за другом и друг друга загрызем, чем дадим китайским плугом пачкать русский чернозем! Разверни ты их скорее, отчий край береги! Мы привыкли, что евреи – наши главные враги, что они нас вечно душат, травят водкой, застыт свет... Это ж нам баланс нарушит, понимаешь или нет?! Мы привыкли жить с евреем, принимаем с ним на грудь и с кавказцами умеем, но с китайцами отнюдь! Будут жить у нас, как дома, в нашем Нижнем дорогом... Ты китайского погрома, что ли, хочешь? Мы можем! Ты и сам подумай, Шанцев, землю так не раздают. Их запустишь, голодранцев, дашь им почву и приют, дашь им трактор, культиватор, все условия для труда... ведь китайский губернатор будет в области тогда! Это ж, блин, не вечер танцев – это сдача наших мест!

И, смирясь, поставил Шанцев на своем проекте крест. И китайцы спозаранок – только чашечки бренчат – похватили китаянок и забрали китайчат. В направлении Китая едут, зависть затая.

И земля стоит пустая.

Но своя зато, своя!

Чуянка

В России появится дешевая народная водка – «Пшеничная», «Ржаная», «Кедровая», «Солодовая»... Росспиртпром намерен отпускать ее по цене 53 рубля и верит, что это покончит с отравлениями некачественным спиртным.

Объявлена новая водка, ура! Я думаю, это серьезное благо. Как, скажем, чернила нужны для пера, так нам обязательна крепкая влага. Довольно страну суррогат поморил. Мы скоро себя безнадежно зароем. И так-то уж пили «Момент», «Поморин», шампунь, эликсир для борьбы с геморроем... Чтоб смыть первородный с Отечества грех, лакаем бальзам для очистки стекла мы – и сделали чище поверхностей всех, какие являются в кадрах рекламы. Мы сделали так несравненно чисты, что в темных глубинах народной утробы спеклись аскариды, острицы, глисты и вымерли все остальные микробы... Прозрачными, звонкими стали тела, любой россиянин разгульно-беспечен, а нация все оставалась цела и даже имела какую-то печень! Но враг, как известно, ни часу не спит. Нам так бы и пить, наслаждаясь житухой, – но вышел какой-то неправильный спирт, от коего все заразились желтухой. Теперь, опасаясь, что все перемерем, оставив без граждан Сибирь и Чукотку, для среднего класса погнал Росспиртпром дешевую водку, народную водку! Четыре проверенных вида – даешь! Отечество в шоке от этого факта. И стоит при этом фактически грош. Осталось, ребята, назвать ее как-то, чтоб гордое имя на глади стола сверкало под звуки восторженных криков. Вот «Рыковка», помню, в двадцатых была – ее, разумеется, выпустил Рыков, глава Совнаркома, любивший кирнуть. Помянем его благодарной строкою. В ней было, конечно, не сорок отнюдь, а тридцать, но время-то было какое! Здесь водка своя на любом рубеже, все мерится ею, оставьте укоры. «Андроповку» помню. За нею уже меня, школяра, посылали спецкоры... Потом «Горбачевка» – часочков по шесть за нею стояли в преддверии рынка... Как эту назвать бы? Ведь «Путинка» есть... «Фрадковка»? «Онищенко»? «Грефка»? «Кудринка»? **Народ наш, хотя и обобран, и пьян, всегда выражается метко и ярко. Уж коль Росспиртпром возглавляет Чуян, пусть новая водка зовется «Чуянка»!**

Иной оппонент недоволен и кисл: теперь уж сопьемся, честнейшее слово... Мгновенье – и я объясню ему смысл и водки такой, и названья такого. Твой выбор каков, перекатная голь? Фальшивым ответом башку не дури нам: иль будешь дешевый хлестать алкоголь, иль дальше травиться дурным «Поморином». Так пусть уж «Чуянка»! Надежней она. В ней даже названье любезно поэту. А так, чтобы вовсе не пить ни хрена, – тогда вам в другую страну. А не в эту. Мы водкой мороз побеждаем легко (нельзя же на холоде пить молоко!), мы ею душевную смуту врачуем, с ней можно забыть президента и Ко... А главное – с ней мы чего-нибудь чуюм. Какую-то ловим незримую нить, какой-то намек, истолкованный ложно, который нельзя никому объяснить, – но верить, как водится, нужно и можно! Иначе зачем я планету топчу, в России торчу и с женою ночую? Налейте мне, братцы, – почуять хочу! Ну, ваше здоровье.

О Боже! Я чую!

Даешь!

Счетная палата обнародовала сумму взяток и откатов, полученных российским чиновничеством в 2006 году. Она превысила 3 миллиарда рублей.

Товарищи, сегодня буду краток. Мы обогнали Штаты и Китай. На три миллиарда выявлено взяток – сто миллионов долларов, считай. Всю жизнь мою (себя я помню с детства) идет борьба с коррупцией в стране – но если честным быть, то эти средства чиновником заслужены вполне. Он вообще достоин пьедестала, а вы ему – какие-то рубли... Ведь лучше стало жить? Ведь легче стало?! Прикиньте бегло, сколько мы смогли: у нацпроектов – суперперспективы, трещит от нефтедолларов казна, и Русский марш, и левый запретили (зачем идти на поводу у зла?), строительство шурует полным ходом, инвесторы давно вошли в азарт – страна, как рана, смазанная йодом, рубцует буквально на глазах. Стремительно, как пушечные ядра, несемся мы в сияющую даль – и это все за жалких три миллиарда? Да полноте, берите, нам не жаль! Смотрите все – Америка, Европа ль, – как платит весь народ своим добром за нефть, за оборонный комплекс «Тополь», за Центробанк, «Газпром» и автопром, за наше динамичное развитие, за тот неутраченный аврал, которого устроить даже Витте никак не мог – поскольку меньше брал! Москва буквально стала плавать в жире. Да, в девяностых хапали не так – но в девяностых так ведь и не жили, кроме того, простите, был бардак. Я думаю, мы всей страной играем в особый государственный заем – и если жизнь еще не стала раем, мы просто недостаточно даем.

Поэтому давайте сбросим маски, откроем для чиновника кредит и наконец забудем эти сказки о том, что нам коррупция вредит. **Мы люди прагматического склада, мы так живем с рожденья до седины, вы нам скажите прямо – сколько надо? Мы сколько надо, столько и дадим. Не надо только скромничать, чиниться – берете не чужое, а свое. К примеру, сколько надо на больницы? А сколько – на дешевое жилье? На чистый суд, на умную Госдуму, на Пенсионный фонд с другим главой? Мы только просим: назовите сумму. А скидываться русским не впервой. Когда-то мы в одном порыве жарком собрали денег, как заведено, на ополчение Минина с Пожарским – и где поляки? То-то и оно! Нам скидываться – главная отрада. Единый наш порыв – помочь властям. Вы нам скажите просто: сколько надо. А то ведь хвост не рубят по частям. Мы четко понимаем: это зерна грядущих благ и будущих конфет. Давать и брать в России не позорно. Давали Пушкин, Лермонтов и Фет, давали Абрамович и Потанин, и Фридман, очень строгий господин...**

Четыре миллиарда – мы потянем.

А скажут пять... Поплачем и дадим.

По кругу

19 декабря 2006 года исполнилось 100 лет со дня рождения Леонида Ильича Брежнева. В память о генсеке вышли не только многочисленные воспоминания, но и телесаги, и даже эта колонка.

Вождей не любит русский люд, хотя и гнет пред ними спину. Кто слишком слаб, кто слишком лют, кто лют и слаб наполовину... Любой из доблестных отцов нам непременно ставит клизму – а делать что? В конце концов, откуда взяться гуманизму на этом режущем ветру, в глухих лесах, во тьме морозной? Нам были все не по нутру: и грозный Петр, и Ваня Грозный – и только Брежнев Леонид, бровями темен, духом светел, под пенье мирных аонид свое столетие отметил. Страна, кряхтя, залезла в ларь, его реликвии достала... «Вот идеальный русский царь! – она промолвила устало. – Он был всему народу мил и до, и после перехода в загробный мир. Борец за мир и друг рабочего народа!»

А что? Действительно просвет на фоне прочих наших батек. В восьмидесятом, спору нет, он был отчасти маразматик, а весь его ареопаг был очень глупое начальство и при ходьбе качался так, как поздний Ельцин не качался; в торговле правил беспредел, все разучились делать дело, при этом Марченко сидел, и Новодворская сидела, везде процвел холуйский стиль (начальник – Бог. Подите троньте!), и в Горьком Сахаров грустил, а Солженицын жил в Вермонте, и были жуткие трусы, и много черного металла, и не хватало колбасы (хотя когда ее хватало?), но уточнить не премину: хоть он и правил в темпе вальса, зато любил свою страну. И в том никто не сомневался. Пусть либералов тонкий слой замрет от дерзости подобной, но было видно: он не злой. Хотя не очень сильно добрый. Он как-то сдерживал развал, но не давил авторитетом; он жить умел – но жить давал и даже помнил меру в этом. Превознесенный до небес (превыше было божество лишь) – он был не ангел, но не бес. Он был не светоч, но не сволочь. Он в чем-то был такой Лужков (хотя Лужков суровой, что ты!)... И я, в компании дружков о нем травивший анекдоты под самый первый свой стакан, – я, сочинитель дерзких басен, смекал, что этот старикан мне не особенно опасен. Я понимал, что он устал и не набросится, затопаив. (Да, был еще Афганистан... Но это настоял Андропов.)

Привык я жить в его стране и о другой не думал сроду. Потом свободу дали мне, и вот за эту-то свободу – чтоб ею пользовался всласть и потерять ее боялся – демократическая власть меня держала, как за яйца. **И главари, и блатари сводили мир к простым идеям: свобода есть? – Благодарю! А мы покуда все поделим.** Да, был развал – а стал обвал. Топили нас, как Атлантиду. Иной по Осе тосковал, а я скучал по Леониду. Пусть он безвкусно был одет, и еле вякал, и качался – он все же был невредный дед. Так я скучал. И доскучался.

Господь сказал: «Прием! Прием! Вас слышу. Укрепись, держава». И стало, в общем, как при нем, и даже нефть подорожала, и вновь мы боремся за мир, друзья ХАМАСа и Аббаса... И возрождается кино, доселе вязнувшее в блуде; а телевизора давно не смотрят грамотные люди... В извечном нашем шапито на новый круг пошла лошадка. Но как-то это все не то. Все как-то призрачно и шатко. А принцип, в сущности, простой: друзья, посмотрим правде в рыло! То был застой, теперь отстой, а остальное все как было.

Некуршевель

В январе 2007 года на французском горнолыжном курорте Куршевель французская полиция задержала нескольких представителей российского бизнеса.

Как хорошо, что я не в Куршевеле, что не поехал, блин, к святым местам! Путевки в этот раз подешевели, я б мог себе позволить, но не стал. Не стал кричать: «Карету мне, карету!..» Как сообщил бесстрашный Интернет, во-первых, в Куршевеле снега нету. В России нет – и в Альпах тоже нет. И будь ты олигарх из олигархов, владелец всей Самары или Читы, но, голову задрал и небу гаркнув: «Давайте снег!», чего добьешься ты? Есть то, чего не купишь, слава богу. Тепло сгубило весь видеоряд. Уже медведь, покинувши берлогу, пошел гулять на трассу, говорят... Не буду Куршевель ругать облыжно, но в оттепель с горы не заскользишь. Хотя летят туда не ради лыж, но порой, в конце концов, и ради лыж!

Но главное – французы обнаглели и во главе с циничным Саркози устроили облаву в Куршевеле! Хоть девочек с собою не вози! В закрытый клуб ворвавшись без спроса (что странно для порядочных людей), они нашли владельца «Интерроса» в объятиях ликующих... «Злодей!» – воскликнули они в обычном стиле (ведь русских обижают все подряд!), все это сутенерством окрестили и оскорбили термином «разврат». **Не видели вы, жалкие, разврата! Тут не разврат, а отдых от забот. К тем временам позорным нет возврата, когда в России не было свобод. У нас свои манеры и закуски. Нам ни к чему барокко-рококо. Мы наши деньги делаем по-русски и тратим их по-русски – широко.** Мы будем всех и спереди, и сзади, нам не знакома ханжеская грусть, и если олигархов любят Нади, Наташи, Маши, Люси – то и пусть! В Европе все козлы, на самом деле. Им этак отдыхать не по плечу. Как хорошо, что я не в Куршевеле – и здесь, в Москве, гуляю с кем хочу! Могу смотреть «Жару» назло Европе, могу валяться пьяненьким в грязи и с Воробьевых гор съезжать на попе, и никакого, на фиг, Саркози!

А сверх того – на этой же неделе, устав смотреть на русский наш общак, о грязной атмосфере в Куршевеле сказала даже Ксения Собчак. Не ведаю, какие там резоны сподвигнули ее признаться вслух, что эти наши русские сезоны серьезно омрачают русский дух. Сам Лебедев заметил: неужели нельзя поменьше пить за рубежом?! Как хорошо, что я не в Куршевеле, что я в Москве! В Москве мы так не жжем. Как хорошо, что русская элита – бомонд и олигархи без числа – на праздничные дни свое корыто подальше от нас перенесла! Отправлюсь по Москве бродить без цели – как воздух чист! Ей-богу, волшебство! А это потому, что в Куршевеле – все те, кто отравляет нам его. Ликуют сосны, тополя и ели, и лица у людей порозовели; вчера я верил в счастье еле-еле, а нынче счастье, кажется, вблизи...

Ах, если б их оставить в Куршевеле!

Ты можешь задержать их, Саркози?!

Просьба о снеге

Православные священники собираются обратиться к Богу с молением о снеге, но отмечают отсутствие специальной молитвы. О дожде – есть, а о снеге – нет. Может, им поможет опыт Булата Окуджавы?

Пока страна обижается, что доля ее тяжка, Господи, дай нам, пожалуйста, хотя б немножко снежка. Достала нас слякоть тающая: прикинь, конец января! На лыжах не покатаешься, о санках не говоря. Естественно, потепление – рай для моих мослов, но это же отступление от самых прочных основ! **В печали гляжу на небо я, в тоске кусаю усы. В России многого не было – то джинсов, то колбасы, то гласности, то безопасности, то права читать печать (про мелочи и про частности лучше вообще молчать), могли пропадать напитки, бывал рацион несвеж, но снега было в избытке. Буквально чем хочешь ешь.** Господи, мой Боже, зеленоглазый мой, неужто и снега тоже ты нам пожалел зимой?

Прости мне, жалкому гномику, что хочет пожить в снегу, – понять твою экономику, все-сильный, я не могу. Ты, верно, решил жестоко, ладони прижав к челу, что раз у нас нефти столько, то снег уже ни к чему. Ногой на меня не топай! Быть может, в твоих глазах мы стали почти Европой? Китаем? Штатом Канзас? Мы смотрим кино о Бонде, у нас мобилы у всех – и нам при таком Стабфонде отныне не нужен снег? Господь, прости остолопа, хамьем меня не считай, но мы совсем не Европа, мы даже и не Китай; игрушечна наша фронда, безграмотен наш бомонд, и кстати, что до Стабфонда, то кто тут видел Стабфонд?! В расцвет мне как-то не верится, признаюсь исподтишка... Пока Земля еще вертится, Боже, подсыпь снежка!

Дай гаишнику душу, беженцам дай дома, дай президенту Бушу хотя б немного ума; художникам за искания пошли высот и глубин; Френкелю дай раскаянье, коль он и вправду убил; дай милосердия органам, прибавь хотя бы на треть! Чекистов побалуи орденом (ведь могут и подобрать)! Сокурову дай Араובה, арабам отдай ислам, народу отдай Зураובה (что будет – увидишь сам)... Когда ж еще и помолишься?! И сколько насущных тем! Чукотку дай Абрамовичу (желательно насовсем), и чтобы дойти примерненько до выборных рубежей – Первому дай преемника, а то ведь оба хуже! Дай передышку Немзеру (писателей грех хулить) и много здоровья Невзлину (чтоб все на него валить)! «9 роту» – «Оскар», хоть Федя и не Кар Вай... Свободу дай Ходорковскому (но «Юкос» не отдавай)... Да что я тебе советую, задрав башку к небесам?! Боюсь, со строною этою ты разберешься сам. Как подобает Богу, посмотришь сверху на всех – и всем раздашь понемногу...

Но не забудь про снег.

Черта личности

По опросам Левада-центра, 75 процентов россиян снова уверены, что у России особый – не европейский и не азиатский – путь.

Вхожу ли я в метро или автобус, читаю сыну, ем ли суп грибной – я все острее чувствую особенность всего происходящего со мной. Не то чтоб я смотрел с тупой злобой на прочих гражданах в средней полосе, но все они просты, а я особый. Какой-то не такой, какие все. Да, я готов обняться с целым светом, мы некоторым образом родня, но пусть законы физики при этом распространяются не на меня. Хочу не знать ушиба, растяженья, старения, стояния в строю, хочу свою таблицу умноженья, а также гравитацию свою... Чужие нормы мне – тюремной робой. Сосед по коридору, этажу, по офису – запомни: я особый. На том стою и изредка лежу.

Я не приемлю общего закона, тяжелого, как ход товарняка. Любопы стремится вниз, упав с балкона, а я наверх взлечу наверняка. Быть белой вороной, альбиносом, чуть что не так – хвататься за топор; объевшись фруктов, не страдать поносом, а получать мучительный запор; любить не то – картины, книги, баб ли, – что любят все. Бежать привычных троп. Так умудряться наступать на грабли, чтоб ударяли в попу, а не в лоб. Расположить бассейн в автомобиле, брильянтами оклеить телефон, и чтоб в приличном обществе любили за то, за что других попросят вон. Чтоб остальных, как надоевших кукол, швырнули вон с высокого крыльца, но чтобы я, допустим, громко пукал, а все кричали: «Браво! Молодца!»

Мне многое не нравится в Адаме. Мне скучно продолжать Адамов род. Не приближаюсь к зрелости с годами, а более того – наоборот! Мне будничность противней манной каши, мне ваши нормы – сорная трава, мне ни к чему обязанности ваши и неприятны куцые права, не буду ногти стричь и мыть посуду, не буду вежлив с тухлым старичьем! Я всеми признан, изгнан отовсюду, от жажды умираю над ручьем! Мне скучен ваш регламент безобразный, ваш буржуазный сытенький покой. Я разный, я натруженный, я праздничный, но не такой, ребята, не такой! Иному обязательно для счастья шуметь на общей ветке, как листу, – а я хочу настолько отличаться, чтоб люди обходили за версту. Чтоб я, допустим, пил чаек со сдобой, сверкая взором, как жилец вершин, – а за стеной шуршали: «Он особый!» И чтобы общий спрятали аршин. Я – новый сорт, таинственная ересь, я мощь превыше ваших киловатт. В меня, ребята, можно только верить, а кто не верит – я не виноват. Я ваше оправданье, ваша совесть, я пастырю подобен и врачу – хоть сам не знаю, в чем моя особенность, и париться особо не хочу.

Мы все пожремся общею утробой, как пожирают пищу на пиру, – но, может быть, раз я такой особый, то я еще, глядишь, и не умру. Раз так я исключителен и странен, раз я такой загадочный мужик – помрут грузин, испанец, молдаванин, американец, чукча и таджик, и друг степей калмык, и ныне дикий тунгус, метеорита лучший друг, – а я, с моей особенностью безликой, останусь вечен, граждане. А вдруг?! Останусь тут. Переживу планету. Во мраке ледяном создам уют. Ведь там, где жизни нет, и смерти нету!

Да здравствует особенность!

Все встают.

Не по лжи!

Однажды собралась Мосгордума узаконить использование детектора лжи при приеме на работу...

Прогресс расширяет свои рубежи. Растут ипотеки, дома, гаражи, а самое главное – что на работу начнут принимать по детектору лжи! Детектор изящен и сдержанно-крут. Ведь каждому ясно: в отечестве врут, и врут ежечасно. А лживые люди едва ли способны на доблестный труд.

И вот я иду, зеленее травы, в какой-то из офисов в центре Москвы. Меня подключают к электромашине и в лоб вопрошают: «А пьете ли вы?» И сразу же проигрыш, в первом бою. Я мог бы, конечно, ответить: «Не пью», но самый доверчивый русский детектор ни в жисть не поверил бы в честность мою. Потом, проверяя процент чистоты, меня вопрошают: «Воруешь ли ты?» И если я честно скажу: «Не ворую», то это опять-таки будут кранты. Будь честным мое радикальное «нет», я вряд ли бы дожил до этаких лет, и всякий детектор и всякий директор сочли бы обманом подобный ответ. Потом, заглянув подозрительно в рот, меня вопрошают: «А ты патриот?» И что я отвечу? Что власть не приемлю, но страстно люблю свой язык и народ? Так ты эти вещи поди раздели, особенно если грозят звездюли. И снова детектор меня завернул бы, в графе «Откровенность» рисуя нули.

А после вопросов пяти или шести, от коих мороз пробирал до кости, меня бы спросили: «Ну, это понятно. Но можете ль вы дисциплину блюсти?» И что я отвечу, горя от стыда? Наверное, ляпну, что, в принципе, да, но если она не по бзiku начальства, а ради успешности в смысле труда. Тогда бы последовал новый вопрос: «Допустим, над вами имеется босс. Способны ли вы на почтение к боссу – почтенье до дрожи, до колик, до слез?!» И что я отвечу, поморщившись лбом? Что враг быдловатости в боссе любом? Что трудно себя называть либералом, а в офисе быть безответным рабом? **Тогда бы допросчик, филер, фараон спросил бы: «А вы не английский шпион?» И что мне ответить? Сказал бы: не знаю. Сегодня с утра я как будто не он. Но знаете, с этой нашей трубой весь мир раздираем такою борьбой... Ведь если страна назначает шпионом, шпионом становится, в общем, любой...** И видя, что даже на этот вопрос герой не способен ответить всерьез, детектор бы, кажется мне, задымился, а работодатель бы к стулу прирос.

Тогда бы, уже выбиваясь из сил, несчастный начальник меня бы спросил: «Скажите, а вы здесь хотите работать?» И мой бы ответ их опять подкосил. Что сделаешь, мне не четырнадцать лет. Хочу я работать? Естественно, нет. Мне нравится, в общем, лежать на диване, стишки сочинять, попивая кларет, бродить по Москве, наслаждаясь весной, с подругой, окончившей курс выпускной, а после обедать рассольником, скажем, его заедая котлетой мясной. Но так как за все это надо платить, а я не магнат и не киллер, етить, то мне и приходится где-то работать, хоть я бы давно предпочел прекратить. Должно быть, какой-то в стране перекося, далече от цели нас ветер занес – раз нет у людей однозначных ответов на самый простой однозначный вопрос. Люблю ли я Родину? Жажду ль труда? Блюда ли законы? Естественно, да. Но стоит увидеть все это в реале – и все мои «да» улетят в никуда.

Короче, Московская дума, скажи свое «Не позволим!» детектору лжи. А то никого не возьмут на работу. Смирись с этой данностью и не жужжи.

Понаезд

Российские антропологи после многолетних раскопок установили, что в Москве с самого начала не было коренного населения: с VI века на месте будущей столицы вместе жили вятичи, кривичи, хазары и даже странное племя с явно негроидными чертами.

Спор историков длится и длится. Оказалось, что тысячу лет собирает приезжих столица – коренных, как доказано, нет. По итогам последних раскопок в населении древней Москвы было много скуластых, раскосых и негроидных даже, увы. Приезжали сюда, не робея, пировали в московских бистро... Если ж взять ритуал погребенья – все выходит и вовсе пестро. **Против истины, брат, не попятишь. На Москву, не стесняясь ничуть, наезжали и кривич, и вятич, и мордва, и хазары, и чудь; торговали, торгуясь до хрипа, и женились, и сплывались так, что единого нет генотипа, а обычный московский бардак. То есть в этом, как сказано, звуке сразу было всего до черта. И построил ее Долгорукий – понаехавший тут лимита.** Был он сам из глубинки российской, где промучился несколько лет, и приехал в Москву за пропиской: приезжает – а города нет. Лишь поместье боярина Кучки: скромный дом, небольшая кровать... Долгорукий, дошедший до ручки, был обязан Москву основать. И дружина без лишнего слова стала строить ее, захватив. Дело в том, что он был из Ростова – хоть Великого, но никакого в плане денег, карьер, перспектив... И построил Москву Долгорукий, и устроился в ней, как влитой, и его обнаглевшие внуки стали прочих честить лимитой. Чуть позднее, сверкая глазами, воцарился в Москве Калита: из орды, из Твери, из Рязани устремилась к нему лимита, хоть не вышедшая генотипом, но активная, как актимель, – и недаром прирос к нему титул собирателя русских земель. Гастролера, купца, иностранца не отпугивал местный мороз. Кто пришел воевать – и остался, кто пришел торговать – и прирос... Так возвысился пыльный и дымный (как еще в нем деревья растут?) всеместительный, странноприимный, дивный град понаехавших тут, город-хаос, почти без проекта, город-выставка, город-штурвал. Коренными считаются те, кто раньше въехал и больше урвал. Город вечного грома и гула, где на улицах – зимняя соль... Чем их только сюда притянуло? Что тут, медом намазано, что ль? Что гнало сюда толпы народа, привлекая бойцов и купцов? Ведь не ради же водопровода, ведь не Рим же, в конце-то концов! Приезжали торговцы и девки и родню вызывали письмом, не музей с театрами ради – их же не было в веке восьмом! Заварилась великая каша из пера, топора, setera... Чем их манит округлая наша, ненасытная наша дыра?! К ней, сравнительно, в общем, неблизкой, миновавши Смоленск и Торжок, сам Батый приходил за пропиской (не сумел получить – и поджег). Что ж вы едете, дурни, в Москву-то, генотипы везете свои? Ведь у нас то пожары, то смута, то погромы, то ДПНИ! Чем вам нравится небо стальное и дороги под коркою льда?

Просто, видимо, все остальное не годится совсем никуда.

Любовь и газ

Российско-украинская газовая война вдохновляет на интимную лирику.

О, как мы любили друг друга! Как все умилялись вокруг! Мы мучались лишь от испуга, что все это кончится вдруг. Мы нежились на сеновале, бродили по россыпям рос... Друг друга слегка ревновали, но это слегка, не всерьез. С утра, не жалеючи пыла, я вкалывал (не клеветщи!), а ты мне галушки лепила, варила мне сталь и борщи... Борща незабвенного запах поныне внушает восторг... Но ты все косилась на Запад, а я все смотрел на Восток. Нет, я тебя сроду не гнобил, не мучил (сошла ты с ума?!). Тебе я подставил Чернобыль, но ты виновата сама! Но женской походкой зовущей ушла ты налево с тоской, и мы Беловежскою пущей развод обозначили свой. **Над миром другая эпоха взлетела, крылами плеща... Но мне без любви твоей плохо, хочу я тебя и борща! Ты ходишь в оранжевом, стильном, с красавцами польских кровей, – а я с вожделием сильным любви домогаюсь твоей.** Бывало, по целой неделе честил твою Радугу и ВЦИК: свобода твоя – в беспределе, твоя независимость – цирк! А ты на Майдане плясала, назло распахнув малахай... И я запретил твое сало! И ты мне сказала: «Нехай!» Ты в жар меня снова бросала и наглым румянцем цвела, и я разрешил твое сало! Но ты лишь плечом повела. Ты держишь меня за дебила, ты стала тверда и горда... Да может быть, ты не любила меня вообще никогда? Со злобой бессильного старца я вижу себя без прикрас. Умри! Никому не достанься!

И я перекрыл тебе газ.

Нет, я не тиран, не зараза. Все наши разборки – фигня. Я думал, без этого газа ты снова полюбишь меня. Что делать! Я раб этих черт ведь, мне так на них сладко смотреть! И я перекрыл лишь на четверть, потом – постепенно – на треть... Во всех этих сварках и драчках я тихо мечтал, трепеща, что ты приползешь на карачках с огромной кастрюлей борща, – и после естественной дани мы снова пройдем по росе... Но ты все поешь на Майдане с оранжевой лентой в косе, свою репутацию губишь, поденно теряешь очки, – и так меня сильно не любишь, что в НАТО вступаешь почти! Задумчивый, как шизофреник, гуляю постылой Москвой... Ну хочешь, я дам тебе денег? Язык разрешу тебе твой? Забуду любую обиду, скажу, что Майдан – не беда, – ты просто хотя бы для виду со мною ночуй иногда! Готов я и с Польшей ладить – ты только являйся в кровать, чтоб мне тебя изредка гладить и кончик косы целовать. Начнем, если хочешь, сначала! Ведь я тебе «да» отвечал, и ты мне «ага» отвечала, когда нас Богдан обвенчал! Пойми, я иллюзий не строю, у каждого свой каравай, – зовись суверенной страной, но будь, ради Бога, со мною, иначе я все перекрою!

И ты отвечаешь: «Давай».

Я злобу на ближних срываю, клянусь я твое колдовство – и газ тебе то закрываю, то вновь открываю его... Заметь, я при этом ни разу тебе не давал звездюлей! Я думаю – может, без газа я все-таки как-то милей? И, раз ошибаясь за разом, все жду я заветного дня и думаю: может быть, с газом ты снова полюбишь меня... Но ты мне в глаза посмотрела и молвила, словно врагу:

– Коханый! Не в вентиле дело!

А что я еще-то могу?

Большая элегия Анатолию Чубайсу

Анатолий Чубайс покидает госслужбу в связи с упразднением РАО «ЕЭС». Теперь, по его словам, он намерен «два года отсытаться».

«Джон Донн уснул, уснуло все вокруг...»

И. Бродский

Чубайс уснул, уснуло все вокруг. Его враги невольно оробели: под шум листвы, под вой рублевских выюг он крепко спит в хрустальной колыбели. Он помещен в особый мавзолей, лишь через пару лет назначен вынос... Пока не спал он – было веселей, но вот уснул – и все остановилось. **Морфей его в объятьях приласкал. Горит ночник, включенный для уюта. Вертелось все, покуда он не спал: росла национальная валюта, дошли до пика цены на сырье, качалась нефть – хоть пей, хоть умывайся... Порою омрачала бытие коррупция – но супротив нее боролись все, включая и Чубайса.** Крутились деньги. Делались дела. Простой народ стонал от монополий. Короче, при Чубайсе жизнь была – но хочет спать железный Анатолий.

Чубайс уснул, уснуло все вокруг. Всех сон сковал – снотворного не надо. Уснул Немцов, его курчавый друг, и рядом с ним уснула Хакамада; олигархат под одеяло влез и засопел, притихнув в общем шуме. Спит малый бизнес. Спит РАО «ЕЭС». Спит СПС и видит сны о Думе. Но спит и Дума – толку ли в грызне? Никто давно не верит в силу слова – и голосует все-таки во сне под руководством спящего Грызлова.

Закончился великий разогрев. Спустилась ночь. Все кошки снова серы. Спит с рупором Анпилов, не успев договорить: «Чубайса на галеры!» Медведев спит, и видится ему почти неопишное чудо – что Путин тоже спит в своем доме, и можно сделать оттепель покуда... Уснул Лужков, Батуриной храним, и видит сон, что мэром Сочи стал он – и в Сочи переехали за ним все жители столицы, всем составом. Уснул Билан, и тоже видит сон (победы в нашем обществе чреватые), что вследствие своей победы он – почетный член общественной палаты, что вся страна от радости звенит, взираючи на эту эпопею, а вместе с ним в палате – весь «Зенит» и сборная России по хоккею. Спит производство, менеджмент и сбыт. Спит молодежь – от голубых до красных. Каспаров спит. Илларионов спит. ОМОН во сне гоняет несогласных. Спит интеллект (хотя уже давно), спят честь и совесть (хоть и прежде спали), спит зритель, глядя новое кино, хотя и так привык кемарить в зале... Упав на стол лохматой головой, спит журналист, и спит под ним страница. Не спит, похоже, только часовой, да и ему, похоже, это снится.

Чубайс уснул, уснуло все вокруг. Другие страны ропщут: что такое? Ни проблеск мысли, ни единый звук не нарушают общего покоя. Спят с бабами, забывши страх и стыд. Спят и старик, и отрок желторотый. Коррупция – и та как будто спит: воруют полусонно, с неохотой. Устав от многолетнего труда, Россия спит. Чубайс устроил это.

Но вот он отоспится. И тогда...

Тогда уже кранты тебе, планета.

Стихи о российском паспорте

Депутат Верховной рады Украины Мустафа Джемилев предлагает закрыть российские консульства на территории Крыма, чтобы они не выдавали крымчанам российских паспортов и не создавали тем самым предлога для аннексии республики по югоосетинскому сценарию. Да-да.

Россия, отпразднуй главный успех. Соседи закроют пасть пусть. Я вижу, снова пугает всех гербастый российский паспорт. Величья истинного черта! Держава – не фунтик с кремом. Где мы раздаем свои паспорта – там сразу крутой экстремум. Стремясь расширить свой окоем горами, морем, лесами, – сперва мы, значит, их раздаем, а после приходим сами. Орудья наши сотнями жал нацелены с видом пасмурным: а кто, скажите, тут обижал ребенка с российским паспортом?! **Врага сминает праведный гнев, и участь его – параша. Земля, где живет гражданин РФ, уже в потенции наша. Просты и решительны, как «Спартак», чисты, как звезда востока, мы мир утопить в своих паспортах готовы: у нас их сто-о-ока!** По всей планете прошлась пята, по многим морям поплавала. Я волком бы выгрыз все паспорта, где нету орла двуглавого.

Во дни, которые бардов рать успела внести в скрижали, наш паспорт в руки боялись брать: действительно уважали! «Берет, как бомбу, берет, как ежа», – Маяк говорил, не хвастая, пока пограничник держал, дрожа, серпастое-молоткастое. Прошли года крутых мешанин, мы встали с колен, натужая – и вот достаем из широких штанин, и Рада кричит от ужаса! Трясись, Джемилев, у себя в Крыму: ты видел уже нередко, что если паспорт дают кому, то это черная метка.

Мы в поле действуем правовом, блюдя дружелюбный имидж. Мы всех вокруг за своих порвем, лишь сделаем всех своими ж. Сгодится хоть эллин, хоть иудей... Запомнить всем не мешало бы, что мы защищаем своих людей при первом признаке жалобы. Тогда, при своем миролюбье всем, при звуке угроз, при виде ли, – мы тут же по косточкам разнесем страну, где наших обидели.

Поэтому мир, что при шаге каждом все ближе к пропасти движется, к себе неохотно пускает граждан с орластою красной книжицей. Когда я мчу в чужие края посредством летного транспорта – в глазах таможни читаю я смущенье при виде паспорта. Их руки потеют. Их мозг раздут каким-то тревожным бредом – как будто танки сейчас войдут за этим паспортом следом. Да вы не бойтесь! Я так, плебей, мне по фигу ваша горница. Меня хоть дрыном сейчас побей – в России никто не дернется. Таких, как я, у нас до черта. Ресурсы у нас несчитаны. Вот если б вашим дать паспорта, то сразу была защита бы.

А если б, заметить не премину, мы вышли из рамок узких и стали бомбить любую страну, где власть обижает русских, – тогда, об участи их скорбя и взяв в свидетели Бога, боюсь, пришлось бы начать с себя. Нас здесь обижают много. Любезный друг, укажи обитель, окинувши глобус наскоро, где так бы мучился предъявитель клювастого-головастого. Боюсь, за местную нашу боль Россия нам – не ответчица.

Друзья! Отправиться в Ялту, что ль?

Спасай же меня, Отечество!

Welcome!

За 2008 год число российских предприятий, управляемых западными менеджерами, возросло почти вдвое. Эффективность их после прихода импортных специалистов растет еще быстрее.

Отставить, товарищи, взгляды косые: покрылись заслуженным глянцем мы. С минувшего года величье России пошло прирастать иностранцами. Когда-то нас жизнь добивала жестоко – теперь мы лидируем запросто. Отныне мы недра качаем с Востока, а менеджмент тырится с Запада. С Востока, из края сибирского кедра, мы гоним на Запад сокровища, – а Запад за наши роскошные недра нам деньги дает и спецов еще. Им хочется выехать в наши пампасы из скучных и пресных обитателей. Меняем свои нефтяные запасы на грамотных их потребителей!

Мы встретим их нежно и денег предложим. Любезно российское небо им! Есть вещи, которых мы делать не можем: для них мы приезжего требуем. России всегда самовластье во благо, и чтоб государство поправилося – мы править собой призываем варяга. (Был также грузин. Не понравилось.) **Мы равных не знаем в посеве, в покосе, в питье, в маршировке шеренгами, – но строить к нам едут Растрелли и Росси, бегут Монферраны с Ква-ренгами! Напрасно такими гостями корят нас. Мы вольные люди, по Пришвину. Где надо умеренность и аккуратность – мы лучше доверимся пришлому.** У нас это дело поставлено – что ты! Пришельцами нас не пугайте вы. Хорош гастарбайтер для черной работы, рулить же должны остарбайтеры. Вот так создаются условия для роста. Живем с настроением утренним. А нам, коренным, остается бороться с противником внешним и внутренним.

Езжайте, любезные, это не kidding³. Мы примем и Буша, и Чавеса. Ведь правит футбольную сборную Хиддинк – и видите, как получается! И сколько я эту загадку ни рою, все сводится к выводу честному: рулит иностранец – и легче порою ему подчиниться, чем местному. Вам это покажется признаком бреда, но это же, граждане, классика: смешно в управлении быть у соседа, ровесника и одноклассника. На этом бы месте бы мог бы и я бы! Нашли же бездарного, тусклого... Особо мучительно, ежели бабы. А ежели немец, то пусть его. Во мне этой придури нет и в помине – но я б умилился заранее, когда бы носил бы фамилию Ниппу⁴ редактор родного издания! Мы редко пред нашими шляпы снимаем. Они же нам кажутся быдлами! А если бы нами рулил марсианин, то было совсем не обидно бы.

Конечно, порою совместные группы кончают, как «British Petroleum», – но прежде мы были наивны и глупы, а нынче-то все под контролеум. Недавно уже наградили Ширака, хоть многие русские морщатся... Короче, мы были подобьем барака, а стали открытое общество! Открытое, акционерное, братцы, и всем объясняем до одури: сотрудничать с нами не надо бояться, вы вспомните только о Шредере. К нам можно теперь повернуться спиной (хоть лучше бы все-таки мордю). Полезно привлечь к управлению страню Китай и Америку гордую! А ежели вспомнить парижские зимы, что всем показались тяжелыми, – на месяц могли бы позвать Саркози мы: пускай разберется с поджогами! Мы многих бы взяли на главные роли, снабдив гонорарами щедрыми. Зовите политиков к нам на гастроли: мы тут же расплатимся недрами. В России хватает и денег, и плоти. Вы здесь огребете навару. А ежели вы, натаскавшись в работе, кого-то из наших взамен заберете, – так мы и приплатим, товарищи.

Мы тоже способны к распилке бюджетов. Не ведали вы до сих пор еще?

Работал же в Штатах Тимур Бекмамбетов. И вышло какое дозорище!⁵

³ Обман (англ.).

⁴ Лошак (англ.).

⁵ Фильм «Особо опасен», вышедший в русский прокат 21 июня.

Наша жена

Гитарист «Rolling Stones» Ронни Вуд бросил жену и четверых детей ради восемнадцатилетней русской официантки Кати Ивановой, с которой познакомился в баре на Лейстер-сквер. По этому случаю он бросил пить и активно занялся живописью.

Женился на москвичке Ронни Вуд, решивший в шестьдесят родиться снова. Ее по-русски Катю зовут, фамилия ж подавно Иванова. Работала она на Лейстер-сквер, в обычном баре, в лондонском притоне. Спросила: «Вы меню хотите, сэр?» – «Тебя, тебя!» – в ответ воскликнул Ронни. Он попросил сначала двести грамм, откушал их и снова хряпнул двести. Потом он поднял скромный тарарам, но так всегда бывает в этом месте. Тогда он снова выпил двести грамм и после перерыва – снова двести. Сперва он стал хватать ее за срам, но скоро к ней отнесся как к невесте. Он попросил у Кати двести грамм, а после заказал последних двести – и в тот же миг, послав семью к чертям, в Ирландию уехал с нею вместе. Его жена была раздражена, просила отпустить его, хмельного... «Отныне буду я его жена!» – сказала гордо Катя Иванова. «Опомнись, ты связалась со старьем! Вы кончите отчаянным раздраем!» – но мы в России если что берем, то никогда потом не выпускаем. Теперь в своем поместье Ронни Вуд рисует Катюню, на сельском фоне, и говорят – они почти не пьют. По крайней мере так считает Ронни. Он стал лечить свой голос пропитой, он стал играть, как встарь они играли, считает Катю чистой и святой и хочет с ней вступить на путь морали. Да, собственно, уже и в старину – о чем вести случалось разговор нам – иметь в хозяйстве русскую жену считалось делом крайне плодотворным. Вот был, к примеру, Сальвадор Дали, и он в Париже встретил половину – живущую от Родины вдали российскую красавицу Галину. Ее лица пленительный овал, лукавый взор, фигура экстра-класса... Он бросил пить и так зарисовал, что стал богаче всякого Пикассо.

Ах, если бы забросить русских жен, питомиц наших кротких колоколен – ко всем, кто против нас вооружен, ко всем, кто нами вечно недоволен! Случилась бы очистка грязных душ, раскаянье и слезы в русском стиле, войну в Ираке не разжег бы Буш, на Монику не посмотрел бы Билли; Ольмерт, сейчас замаранный в грязи, додумался б, что взятки брать негоже; на радостях простил бы Саркози всех мусульман (и Прохорова тоже)! Лежит на лучших женщинах печать духовной силы, кроткой, как корова... Саакашвили смог бы промолчать в ответ на обвинения Лаврова. Планета вся сейчас напряжена, и лишь в России тихо, гладко, чисто. Все потому, что русская жена у всех – от президента до чекиста. И если вы хотите жить, как мы (а нынче все об этом попросили) – вам нечего терзать свои умы: берите замуж женщин из России.

Сначала надо выпить двести грамм, а если хватит сил – то снова двести, и тут же так духовно станет вам, что вы навзрыд расплачетесь на месте. И снова надо выпить двести грамм, и сразу, продышавшись, снова двести, – и вся Россия, от мужчин до дам, предстанет как оплот ума и чести. А если после выпить двести грамм, а следом одолеть последних двести...

Она вам скажет яростное «Хам!» и бросит неприступное «Не лезьте».

День левши

Международный праздник левшей 13 августа прошел в России почти не замеченным – вероятно, потому, что у нас и прочие дни мало от него отличаются.

Не то чтоб повод слишком светел, но все застолья хороши: вот мир в который раз отметил международный день левши. Читатель мой пожмет плечами: кто это выдумал, чувак? А я отвечу: англичане. Им трудно выпить просто так. А нам и повода не надо для заливания души, но этот праздник – нам отрада: у нас все время день Левши. Завидуй, косная Европа, и вечно помни, ху из ху: ведь наш Левша без мелкоскопа ковал английскую блоху! Блоха английского металла, косым подкована Левшой, конечно, прыгать перестала – но это минус небольшой.

Вы в этом выводе подвоха не усмотрите ни хрена, но – хорошо ли это, плохо, – Россия левая страна. Не только в августе – и в марте, и в декабре наш рок таков: мы государство левых партий и одиноких леваков. Не нужно сводок и докладов, чтоб убедились враг и друг: мы средоточье левых взглядов, и левых ног, и левых рук. Одни мы дрыхнем или с девой – но, поручусь за большинство, с ноги встаем мы только левой и вечно злимся оттого. Как псы под окрик караульных, на службу тянемся рекой, засевши в «Ладах» леворульных, что левой сделаны рукой. **Наш труд нелегок и несладок. Что для приезжего бардак, для нас – единственный порядок. Ведь мы работаем не так, как надо было бы для дела или обидней для врага, а только так, как захотела начальства левая нога.** Срывая плод запретный с дерева, пугливо ежась на ветру, мы от жены идем налево и возвращаемся к утру... Вот так проходят наши годы – а чтоб никто не доглядел, живем на левые доходы от непонятных левых дел. И пусть, как змеи перед Евой, пред нами вертится весь свет, – а мы их всех одною левой! Поскольку правой просто нет.

Увы, не в силах объяснить я, – дивится друг, смеется враг, – но опыт правого развития всегда кончается никак: режим, казалось бы, свободен, – но, веря принципам своим, идем налево – песнь заводим, идем направо... и стоим. Наш долгий опыт неизменен. Мы не порочны, не грязны – но, как еще заметил Ленин, больны болезнью левизны. Дерутся кланы и анклав, гаишник просит левый штраф, – дерутся все, и все неправы, а пригляжусь – и я неправ... Зато в словесности мы шарим – ведь наша нация жива активным левым полушарьем, что отвечает за слова. Европа, как ее ни гневай, терпеть готова наш поход под крики «Левой, левой, левой!» – и никогда наоборот.

Зато другие сверхдержавы и их гаагские суды всегда, во всем пред нами правы, и правотой своей горды. Пускай мы выглядим коряво – нас это сроду не скребло. У них повсюду правит право – у нас же лево и бабло. Страшны российские забавы для их разжиженных кровей. Они и в том, и в этом правы. Чем мы левей, тем все правей. И как бы мы ни огорчались – все отвернулись, как на грех, а с нами только Уго Чавес. Он вообще левее всех.

Нам это все давно приелось. Так почему ж, спросить дерзну, никто не любит нашу левость, не ценит нашу левизну, и мы со всею нашей славой бредем одни, как конь в пальто?

Все потому, что Боже – правый.

А левый – угадайте кто.

Нянчить!

В Михайловском прошел слет «мамушек и нянюшек», посвященный 250-летию со дня рождения и 180-летию со дня смерти Арины Родионовны Яковлевой. Тянет на символ эпохи.

В честь Родионовны под Псков слетелись няни – опора Родины, живая соль земли. Они в Михайловском собрались на поляне – и стали опытом делиться, как могли. От плясок их дрожал смиренный палисадник, их песни над землей звенели, чуть заря... Без няни Пушкина – какой бы «Медный всадник», про сказки всякие уже не говоря? Ведь что за жизнь была: цензура, страх, наружка, то ссылка, то надзор, то школят, то гнетут... В отчаянье поэт воскликнет: «Где же кружка?!» – и Родионовна с сосудом тут как тут. Он много уплатил невозвратимой дани подругам юных лет и обществу кутил, – однако, думаю, без добродушной няни он много больше бы им дани уплатил. И я не просто так по клавише барабаню, недаром мой Пегас кусает удила: когда бы к каждому могли приставить няню – какая б лирика, какая б жизнь была!

Естественно, поэт взростает год за годом – но всякому ростку потребен агроном. Ведь няня добрая – не просто связь с народом, а вдумчивый пригляд за бойким шалуном. **От гения б, глядишь, осталась половина, его бы погубил разврат в конце концов, когда б его сперва не нянчила Арина, а после Энгельгардт, а после Воронцов...** А после Бенкендорф с добрейшим Николаем, Жуковский, Вяземский, толпа других друзей – ведь мы ж не просто так! Ведь мы ж добра желаем, как те, кого собрал Михайловский музей. Шагнул налево – кнут, шагнул направо – пряник. Голубка дряхлая на всех путях стоит. В российском обществе нельзя прожить без няnek. Особенно таким, как этот наш пиит. Мы нашу Родину уже видали разной: то завучихою с прической накладной, то грозной мачехой, чужой и безобразной, то бабкой жалкою, то матерью родной. Теперь случилось так, что после всех камланий, бесплодных поисков идеи и души, – нам видится она простой и строгой няней: про это не читай, про это не пиши... Непросто шалуну рассчитывать на ласку: здесь был либерализм, но он не проканал. Захочешь новостей – тебе расскажут сказку: по Родионовне завел любой канал! Сегодня Родина добра и таровата – ведь няня ласковей и мамы, и жены... Нет, не решеткою, не кладкой каземата – мы ватною стеной теперь окружены. Но нянька верная следит за каждым шагом. Она привязчивей кинжала и плаща. И то, что для тебя она считает благом, ты будешь принимать покорно, не ропща. Прошла пора стенать или подачки кланчить у фондов западных, как десять лет назад. В надежных мы руках. Теперь нас будут нянчить, Россию превратив в один большой детсад. Сменилась офисом убогая лачужка. Заглушит позитив тоску родных полей.

А ежели с тоски воскликнешь: «Где же кружка?!» – так в этом нет греха. Аринушка, налей!

Московская казачья

Войсковой атаман Центрального казачьего войска Валерий Налимов объявил о строительстве казачьей станицы на 30 000 семей в Ступинском районе Подмосковья. Казакам выделен участок в 118 гектаров.

Наша древняя столица не ударит ликом в грязь: наконец своя станица у столицы завелась. Подмосковные казаки – запорожским не чета: брюки, фраки цвета хаки – наша главная черта. Челки, усики и баки – украшение наших морд. Мы – гламурные казаки, мы – казачества бомонд! Степь подходит прямо к Дону. Удалые казаки разгулялись не по Дону, а по берегу Оки. Бродишь этак с папироской, агрессивный, будто еж... Вместо Сечи Запорожской – Подмосквовную даешь! Среднерусские туманы расступились, смущены. Мы – Рублевки атаманы, славной Жуковки сыны!

От кого пошли казаки? Вечно длится этот спор. Враки, версии и драки не стихают до сих пор. По науке объясняли, что когда-то в старину типа беглые крестьяне поселились на Дону. Разгулялись на просторе, как гласит народный стих, ибо рабство крепостное не устраивало их. Много всякого народа устремилось им вослед – на Дону-то ведь свобода! С Дону выдачи-то нет! Большинство, само собою, – я вам точно говорю, – отдавало дань разбою, но служило и царю. Все хотели, право слово, этой доблестной судьбы: быть опорой престола, но отнюдь не как рабы! **Я уверен, что и ныне много доблестных мужчин – по причине ли гордыни, от других каких причин, – утомившись жить богато, бросив нажитый уют, убежали бы куда-то в край, откель не выдают. Скучно, скучно жить без риска! Закусите удила: наша Русь – авантюристка и всегда такой была.** Все сбегут, кто нынче ярки (или правильно – ярки?). Журналисты, олигархи подадутся в казаки... К нам отправятся, воспрянув, сразу сделавшись бодрей, Абрамович, и Касьянов, и Колесников Андрей, все кумиры миллионов, все, в ком виден Божий дар, – и Парфенов, и Лимонов, и Потанин, и Гайдар, все, кого теперь прижали (чисто русская судьба), кто готов служить державе, но не в качестве раба! Новодворская-казачка подковала мне коня; С. Доренко, крикнув смачно, чаркой потчует меня; не желая в мире подлом всех лизать и жить по лжи, «Огонек» в составе полном спит над пропастью во ржи... Этот образ жизни лаком! Этим миром я влеком! Я желаю быть казАком. Или надо – казакОм?

Будем плеткой-семихвосткой робким женам угрожать и риторикою жесткой Запад в ужасе держать. Напиваться будем грубо, распуская языки, и кричать все время: «Любо!» – али мы не казаки? Нашим громом и блистаньем будет Родина горда. Совершать набеги станем на другие города, нагоняя на них испугу поведением своим... Тверь, Владимир и Калугу снова присоединим... Все, в ком жив покуда вольный, непокорный русский дух, – будем жить в станице стольной, драться, спать и пить за двух, будем, глотки водкой вымыв, петь о гордом меньшинстве, – а врунов и подхалимов всех оставим на Москве. Уважать друг друга будем – хучь ты русский, хучь ты жид...

И тогда, похоже, Путин вскоре к нам перебежит.

Великий пост

Духовность набирает силу, являя рост во всей красе. Великий пост идет в Россию, Великий пост! Постятся все! Стократ суровой мясопушта, он вывел роскошь на корню. В Кремле – картошка и капуста, в Госдуме – постное меню; в программе «Время», столь похожей на выпуск дряхлых новостей, сановный диктор с постной рожей читает текст, еще постней; постится клерк, в престижном банке не разгибающий спины, постятся геи, лесбиянки, неонацисты и скины. Постятся дружно мент и киллер, являя преданность кресту. Постится Греф. В Газпроме Миллер постится на своем посту. Постятся, связанные словом (хоть что им, в сущности, слова?) Малахов, Познер с Соловьевым и финалисты «Дома-2». В рот не беря ни мант, ни плова, ни рыб, ни крупного скота, – постится Алла Пугачева, хотя она и так свята. Все визажисты-массажисты постятся, строги и чисты. Постятся буйные ЖЖисты⁶, постя пространные посты. Давно покинув двор московский, уйдя в другой видеоряд, постятся Дубов, Березовский и даже Невзлин, говорят. **Гремя костями с голодухи, почти забывши вкус еды, постятся доблестные «духи» – за их постом следят деды! Постятся люди разных станов, наевшись масленых блинов: Каспаров, Патрушев, Касьянов, Фрадков, Медведев, Иванов, народы севера и юга, смиренный вятич, гордый жмуд – хотя привычно жрут друг друга, но больше ничего не жрут!** Ликует зверь, ликует птица – им ежегодный отпуск дан! И лишь Кадыров не постится. Кадыров держит рамадан. Зато Чубайс, Сурков и Сечин, и сотни прочих местных звезд...

Но ведь Великий пост не вечен! Не все коту Великий пост! Не зря худеет Дерипаска, не зря Собчак устала есть... Придет апрель. Настанет Пасха. Услышит мир благую весть. И дед, и «дух», и частный пристав, и теледиктор, и диджей, ряды чекистов и ЖЖистов, нацистов, клерков и бомжей, и «Наших» лающая стая, и член ЦК КПСС начнут лобзаться, восклицая:

– Христос воскрес! Христос воскрес!

⁶ Авторы сетевых «живых журналов». Читается «жежисты».

Парадиз

Лютеранский приход Св. Михаила предложил 27 мая 2007 года не допустить в Москве гей-шествия и провести вместо него 1 июня, в День защиты детей, парад нормальной семьи.

От геев аморальных спасая нашу честь, парад семейств нормальных задумали провести. Сидите, геи, дома, не сейте здесь чуму – нам филиал Содома в столице ни к чему. Ни передом, ни задом я к вам не повернусь. Пускай пройдет парадом семейственная Русь! Пускай она шагает по улице Тверской, а геев пусть пугает пудовой доской. Построим против геев заборы и ежи! Презренный Алексеев⁷, замри и задрожь.

О, как я вижу четко парад семейный тот. Гламурная красотка к нему не подойдет. **Не приближайтесь, фрики, бегите, пачкуны! Пора увидеть лики простых людей страны – всех тех, кто составляет простое большинство и гордо заставляет вздохнуть любить его. Опора всех опор мы, гроза для меньшинства. Пройди парадом нормы, нормальная Москва!** Пускай глядит из окон, шепча себе «Молись!», испуганный Сорокин⁸, чьи ужасы сбылись.

Из спального района потянется, жуя и глядя умиленно, нормальная семья. Пройдет довольный папа, отрада здешних мест, чьево густого храпа боится весь подъезд. А следом мать семейства несет кастрюлю шей (смеяться неуместно над силою вещей), и дочь, надежда клана, упругое бедро, поклонница Билана и группы «Серебро», и сын, фанат футбола, дополнит их набор (его боится школа, но уважает двор), и братец, краснолицый от счастья и питья... Идет, идет столицей нормальная семья! Пройдут при дедках, бабках, при тетках и дядьях, пройдут в халатах, тапках, иные в бигудях... Пройдут, себя не пряча. Наш образ жизни крут. На выходные – дача, по будням – честный труд. Урок окрестным странам и тунеядцам бой. И телик с Петросяном пускай несут с собой.

Вот офисная пара, урвав свободный час, шагает вдоль бульвара, улыбками лучась. Пусть смотрит вся столица на этот светлый путь: умеют потрудиться, умеют отдохнуть. Два клерка позитивных в кашемировых пальто – подтянутых, спортивных, лояльных, как никто... Они идут, балдеют, и меж собою трут. По выходным – «Икея», по будням – честный труд.

А вот идет чиновник, потратив выходной, – причина и виновник стабильности родной. А с ним идут к победе (ведь он не одинок!) изысканная леди и оксфордский сынок. Идет, идет элита, пришла ее пора. За ней шагает свита, шоферы, повара, и гувернер (для детства), и даже мент в плаще... По выходным чудесно, по будням – вообще! Заслуги их реальны. Им не знакома ложь. И все они лояльны – и натуральны сплошь.

Защита всем защитам, всеобщий хеппи-энд – те, на кого рассчитан текущий наш момент. В их парус ветер дует, им посвящаю стих. Я, что ли, не люблю их? Да я же сам из них. Мне хочется забраться в их общий ареал. Меня пустите, братцы! Я тоже натурал! На вашу я платформу влезаю сорок лет. Ужели в вашу норму никак мне ходу нет?! Но меж московских стогонов проходит их парад, опять меня отторгнув.

А как я был бы рад!

⁷ Инициатор московских гей-парадов.

⁸ Автор романа «Норма» (1985).

Ода симметрии

*Британское правительство в ответ на невыдачу Андрея Лугового
выслало четырех российских дипломатов. Что нам придумать в ответ?*

Высылают наших граждан из Британии (четверых, хотя грозились до шести) – вероломно, не сказавши им заранее, сувениров им не дав приобрести! Им британская разведка все испортила – и теперь они спешат в аэропорт, не простившись, не купивши «Гарри Поттера», не узнавши, чем там кончил Вольдеморт! Что ж, прикажете мириться с беззаконием? Как умыть тебя, британский кабинет? Оскорбление бы это смыть полонием – но ведь столько и полония-то нет... Уваженья никакого нету к ближеньким. Не желают нас любить и понимать. Мы ж когда-то их застукали с булыжником, но не выслали же их, едрена мать! Мы-то честно соблюдаем принцип базовый, тут порядочность у каждого в крови. Приходи сюда с булыжником за паузой: мы булыжник отберем, а ты живи!

От такого унижения публичного вся щека моя красна и горяча. Нет у Родины ответа симметричного, кроме разве что Онищенко-врача. Где Онищенко – забудь о поражении, о российском утеснении забудь. Сколько раз он в безнадежном положении умудрялся замутить чего-нибудь! У Молдавии, у Киева и Грузии, выходявших на майданы неспроста, были, помнится, какие-то иллюзии – но Геннадий указал им их места! Он ответил им изящно и изысканно и Отечество мое увел в отрыв – сразу импорт прекратив вина грузинского и оранжевому салу путь закрыв. Но и здесь нам повредили силы тайные, злые рыцари с кинжалом и в плаще, – вин британских, как и сала из Британии, нет в российском антураже вообще. Все заранее просчитано и понято, все продумано у главного врага... Правда, есть у них бекон, но что в беконето? Мы ж его не покупаем ни фига! Представляю, как наш доктор в стены тычется: на каком еще пути закрыть рубеж? Можно выслать «Джони Вокера» и «Тичерса», но кому мы хуже сделаем? – Себе ж! Мы настроены весьма патриотически, за Отечество у всех душа болит, но представишь эти высланные «тичерсы»... и в душе уже любой – космополит. Мы ответим и грузинам, и эстоникам, и соседям на днепровском берегу, но претензии медслужбы к джину с тоником не могу себе представить. Не могу! Чем ущучить нам вражину, змея липкого? Все запутанней, чем прежде, и мудрей... Отказаться, например, от чая «Липтона», но какой тогда останется? «Эрл Грей»? Это что же, и чайку с утра не выпьете? Пить прикажете парное молоко? Нет продукции в британском нашем импорте, от которой отказаться бы легко. Кто-то может сделать так, но я не сделаю. Я без виски не сумею никогда. Это вам не «Ркацителю» с «Изабеллою» и тем более не сало, господа. Я не знаю, как без эля и без портера, но без чаю я опять же не жилец. Что такого запретить? Того же Поттера? Но ведь школьники восстанут, наконец! Взвоят девочка озлобленной гиеною, мальчик выстроит на площади редут... И потом, санитария с гигиеною вряд ли в «Поттере» чего-нибудь найдут.

Что же делать? От ментального усилия у Онищенко небось слеза из глаз. Может, все-таки британская фамилия станет поводом для высылки у нас? Едут, подлые, с сигарами и бачками – у себя-то не решаются курить! Вон, грузин же выслали – прямо пачками (жаль, что мало. Надо будет повторить). **Мудрой практики такой не помню в мире я: подобраться, ухватить за волоса – и, увидев, что английская фамилия, выслать в хладный Альбион за полчаса!** Но ведь наши горожане, люди мирные, в тот же миг начнут доказывать ментам, что у всех у них английские фамилии и поэтому их место только там! И потянутся туда еще до выборов, бачки вырастив и выстроившись в ряд, англичане Ivan-off, Petr-off и Sidor-off и McAgov (из шотландцев, говорят). Не пугаясь наречья непривычного, джентльменскую осваивая статью...

Так что нет у нас ответа симметричного.

Разве Диккенса куда-нибудь послать.

Баллада о клизме

Заместитель генерального прокурора Сергей Фридинский предлагает закрыть журналы «Cool», «Cool girl» и «Молоток», которые, с его точки зрения, внушают молодежи аморальные понятия и пропагандируют нездоровый образ жизни. Так начинается в России очередной виток борьбы с коррупцией.

Когда, бывало, в годы оны (хоть что сменилось с этих пор?) заболели фараоны болезнью грустною «запор», – начальник стражи, скорбью ранен, придворных кликал лекарей: один был скромный египтянин, другой – заносчивый еврей. Охрана, склонная к садизму, ввела несчастных в тронный зал, и египтянин молвил:

- Клизму!
- Кому? Не мне ли? – царь сказал.
- Тебе, – ответил врач. – Кому же?
- Ах так?! Казнить его скорей!

Но фараону стало хуже, и к трону призван был еврей. Еврей привык к феодализму и понимал закон в стране. Он осторожно молвил:

- Клизму.
- Кому? Не мне ли?!
- Что ты, мне!

Царь оценил его идею, велел внести большой клистир, его поставил иудею, и наградил, и отпустил. Когда еврею ставят клизму – легчает лидеру слегка. Я рассмотрел сквозь эту призму закрытые «Cool» и «Молотка».

Замечу ради политесу: не так уж сильно мы грешим. У нас всегда карают прессу, когда вопрос неразрешим. Когда случился ад в Беслане, страна желала громких дел. Силовиков тогда не сняли, но Раф Шакиров полетел. Как за Басаевым ни рыскай, Басаев до сих пор не взят – за это платится Бабицкий, его тиранят и язвят. Какой у нас еще вопрос там смущал умы родной земли? За ситуацию с «Норд-Остом» Бориса Йордана смели... В «Парламентской газете» Котов смещен с привычного поста – по представленью патриотов, чья голова полупуста... В родной реальности несладкой опять переворот в гробу: теперь ведут борьбу со взяткой, но безуспешную борьбу. Решив с чиновничеством сладить и не управившись чуток, хотят из памяти изгладить журналы «Cool» и «Молоток». И не сказать, что я балдею. Такой исход привычен мне. Поставят клизму иудею – и полегчает всей стране.

«Cool girl» – журнал предельно пошлый, подобный глянцевой звезде; еще до Чайки, в жизни прошлой, я говорил о том везде. Но мне забавны эти прятки, пальба в пространство «молока». Ужель в стране исчезнут взятки, когда не станет «Молотка»? Зачем пускать по прессе сдуру родной асфальтовый каток? Мне странно, что прокуратуру так возбуждает «Молоток». Увидят два фривольных вида, оценят женские тела – и возбуждается Фемида, и возбуждаются дела... Но может быть, на самом деле уместна с прессою вражда, и сути мы не углядели, и роль закона нам чужда? Глядишь, закрытие «Кулгерла», к какому я давно готов, возьмет коррупцию за горло, раскроет тайну «Трех китов»... Разоблачит бюджет хреновый и новый выстроит бюджет закрытие «Российской», «Новой» и «Независимой» газет. Я не приветствую посадку – возможен мягкий вариант. Пускай на смену «Коммерсанту» придет газета «Комендант» – писать о позитиве всяком, бороться типа с нищетой, и можно тоже с твердым знаком – как символ твердости крутой. Все знают высшие мессии, а нам, глядишь, и невдомек, какой настанет рай в России, когда закроют «Огонек».

Конечно, этому закону страна подвластна не всегда...

Но ведь легчало фараону?!
Несите клизму, господа!

Правоправила

В Краснодарском крае введены новые, православные правила дорожного движения. А не лучше ли распространить их на всю страну?

Постыло жить – в глуши, в Москве хоть... Житье – обуза, а не дар. О, как мне хочется уехать в веселый город Краснодар! Он уважать себя заставил не лютой яростью в труде, а сводом православных правил, придуманных ГИБДД. Их, как и заповедей, десять. Их будет знать любой патруль. Водитель должен крест повесить себе на грудь, садясь за руль. Когда машина закипает, молитву кротко сотвори. Когда дорогу уступают – сигналом поблагодари. А пешим всем необходимо простое правило блюсти: увидя, что спешит водила, его смиренно пропусти. Захочешь перейти дорогу – перекрестись, и в добрый путь! Я б эти правила, ей-богу, хотел внедрить когда-нибудь в Москве, в Саратове и Нижнем, в Самаре, далее везде... «Диктуется любовью к ближним», – добавило ГИБДД.

Я тоже веру уважаю. Я без нательного креста уже давно не выезжаю в родные дачные места. Кругом летят такие джипы, всюю разбрызгивая грязь, а в них сидят такие випы, что ездешь, только помолясь. **Когда ж меня своим приказом внезапно тормозит ГАИ, как грешник, вспоминаю разом все прегрешения свои. «Спешите?» – спросит грозный витязь. «Но мне казалось – я тащусь...» – «Когда вам кажется, креститесь», – промолвит он. И я крещусь. Когда-то, помню, спорил сдуру, теперь, уже без лишних драм, покорно достаю купюру, привычно жертвуя на храм.** Я стал водитель православный, везде – в столице и в глуби – осуществляя принцип главный: смиришь, терпи и всех люби.

А что, вы скажете – не прав я? Пройдя сквозь несколько горнил, я б этот кодекс православья у нас на все распространил. Смиренье красит человека, будь старый он иль молодой. Идя к чиновнику из ЖЭКа – кропи себя святой водой: а то ведь всяческая нечисть с улыбкой хищной на устах, на первый взгляд очеловечась, сидит у нас на всех постах... Крестись движением знакомым, просясь под Божий патронаж. Идя на встречу с военкомом, тверди сквозь зубы «Отче наш». Поскольку Русь – замечу снова – отторгла нравственный прогресс, смиренно пропускай любого, кто мчит тебе наперерез. Молись, купив себе сарделек, и «слава богу!» повторяй. Когда ж, допустим, смотришь телик – какой настал повсюду рай, – крестись при этом раз по сорок, читая вслух стихи псалма, и, может статься,душный морок не тронет твоего ума.

Нехитрым обращеньем этим мне вправить хочется мозги не только взрослым, но и детям, веселой стайке мелюзги. Российский мир устроен строго, усвойте это наперед. Здесь можно верить только в Бога. Конечно, Он суров немного, зато уж честен без подлога, не врет и взятку не берет.

Читай!

В России принята программа поддержки чтения и литературного дела.

Какая б ни была эпоха под этой бледною луной, Россия со времен Гороха была читающей страной. Как говорил святой Савватий, у нас холодная страна. Ни для каких других занятий не приспособлена она. Рискованное земледелье, глухие, топкие места, от пьянства дикое похмелье (поскольку водка нечиста), трактиров мало (чай, не Дублин), рулит сатрапский фаворит, и восемь месяцев в году, блин, зима жестокая царит. Сегодня минус двадцать девять, назавтра минус тридцать пять... Чего еще в России делать? Залечь в берлогу – и читать!

И коль учесть расположенье Россией правящих планет, так это лучшее вложение ума, талантов и монет. Будь ты талантливый и смелый, имей кураж и меткий глаз, – но все, чего ты здесь ни делай, быть может отнято на раз. Живем как будто понарошку. Пускай крестьянин в свой черед удачно вырастит картошку – придет солдат и отберет. Допустим, кто-то строит бизнес – но рэкетир подкрался, тать, и ты, жестоко дербалызнясь, идешь, естественно, читать... Допустим, ты построишь виллу, но побеждающий ревком уже прислал к тебе гориллу, вооруженную дровком: «Отдай! (Здесь это всем знакомо.) Уйди, ей-богу, далеко! Здесь будет здание ревкома». И тычет, стало быть, дровком. Допустим, ты откроешь прииск – придет посланник от вождей и станет брать тебя на привязь: начальству прииски нужней. Отнимут все: богатство, имидж, галдя при этом вразнобой... И только книгу не отнимешь. Что ты прочел – навек с тобой.

Да как и жить, скажи на милость? Уж коль метафору дожать, то все здесь надвое делилось: одним – сидеть, другим – сажать. Пускай хоть в новом поколеньи не будет этаких засад. Введем другое разделение: «Одним – читать, другим – писать!»

И если статус мой повысят, вручат погоны и доху – как мало от меня зависит! Здесь все решают наверху. Больших иллюзий не питаю: другие пилят капитал, а я лежу себе читаю, как с детства, помнится, читал. Талантам проявляться негде. Я ничего не ухватил. Добыча газа или нефти – удел немногих воротил. В Госдуме – клоуны и клоны, и, поглядев на эту власть, моих сограждан миллионы туда раздумали попасть. Россия велика, обильна, известна газовой трубой, но так сервильна, так стабильна и так любит себя, Сибирь вот-вот уйдет Китаю, таланты гибнут на корню... А я что делаю? Читаю. Лицо хотя бы сохраняю.

Да, господа! Признаем честно (не потому, что я злодей): у нас в России нету места трем четвертям ее людей! «Читай! Роман – замена жизни, – я посоветую любя тому, кто хочет жить в Отчизне, при этом сохранив себя. – Читай! Для нас одна отрада – в пространстве как бы полусна прорваться в мир, где все как надо: любовь – бесплатно, жизнь честна, чего-то стоит благородство, и все чисты и не грубы, и можно, главное, бороться – не предрешен исход борьбы!» О ты, который дружен с книгой! Тебе спасение дано: чуть что не так – немедля прыгай в ее волшебное окно!

И я иду в библиотеку и там сижу до десяти.

Порядочному человеку в России есть куда пойти!

Трудармия

Исполняется на мотив «Последнего троллейбуса». Депутаты Свердловского областного законодательного собрания выдвинули законопроект о привлечении безработных к неквалифицированному труду вроде подметания улиц. Отказников могут лишить пособия по безработице. Скоро эту инициативу рассмотрит Госдума.

Когда-то со всех моих здешних работ, насытись моим эпатажем, меня обязательно кто-то поперет – по возрасту, скажем. Спускаюсь по ступенькам в потертом пальто, пойду, озираясь бесправно... И в двадцать сегодня не нужен никто, а в сорок – подавно. Сегодня без повода может любой лишиться зарплаты и выгод, и даже теснейшие связи с трубой – не выход, не выход... Сегодня неважно, насколько ты крут, поскольку при смене расклада в мгновение ока тобой подотрут что надо, что надо... И вот побредешь неизвестно куда – маршрута потом не вспомнишь, – пока не очнешься на бирже труда, в надежде на помощь.

Без нас обойдется великая Русь, на газовой базе воспрянув. Работы лишились Береза и Гусь, и даже Касьянов, десятки героев бегут за рубеж, мечтая о мести и путче, хотя всемогущими слыли допрежь, – а чем же ты лучше? **Я так нас и вижу: большая орда, где каждый эпохой отторгнут... Подходят сотрудники биржи труда – и просят автограф.**

Однако Госдума, в заботе о нас склонившись к придонному слою, не прочь обеспечить поверженный класс метлою, метлою! Чтoб стала гламурнее наша страна и вид обрела бы товарный, готова использовать опыт она трудармий, трудармий! Как будто вокруг не две тыщи седьмой, а бурный, допустим, двадцатый, чтoб классовый враг поработал зимой лопатой, лопатой! И вправду, пора приобщаться к труду, корячась, кряхтя при замахе – как снег расчищали в двадцатом году монахи, монахи... Подтаявший лед разбивать по весне, листву разгрести, если осень, – и чувствовать дружно, что нашей стране мы пользу приносим. Мне видится снегом присыпанный лед и наши веселые рожи: гребет Шендерович, Иртеньев гребет, Колесников тоже... Не стоят вниманья ни слезы жены, ни взгляды прохожих косые. Теперь наконец-то мы точно нужны России, России. Сурова к изгоям всеобщая мать, подобно тамбовскому волку. Зачем безработным работу давать? Им лучше метелку. Пускай они дружно ломами гремят, напрасно мечтая о чуде: ведь те, кто не впишется в новый формат, – не люди, не люди.

А что нам? Наш житель воспитан борьбой, привычен к кирке ли, к лопате ль...

Вот там мы и встретимся, верно, с тобой, читатель, читатель.

Маршеобразное

В преддверии «Русского марша», намеченного на 4 ноября, патриотическая общественность, как обычно, раскололась.

Столпы Отечества пройти желают маршем, но снова мучатся: кого назначить старшим? Таганку ли пройти, Васильевский ли спуск, – но главное, решить, кто по понятиям русск. Чуть замаячит марш – в перипетиях сложных дробятся русские на истинных и ложных, критерий истины ища под фонарем. «Мы этих не берем!» – «И этих не берем!» Насколько легче вам, счастливые евреи! Вам только прикажи собратиться поскорее – и тут же, как один, сорвутся с якорей единым шествием. Ведь ясно, кто еврей! Насколько легче вам, счастливые грузины! Какую высылкою вам ни погрози мы – вас все еще полно, ваш стан неуязвим, и сван или мингрел – по-прежнему грузин! Насколько легче вам, любезные чеченцы! Будь вы кадыровцы иль горно-ополченцы, набит ли ваш карман деньгой или ничем, в Москве иль в Ботлихе – ты все равно чечен! **А русский монолит – расколота ледина. Им как-то не дано собратиться воедино. Чуть сходку соберут, как сразу заорут – и дружно в русские друг друга не берут.**

– Ты штатовский наймит! – Ты путинский опричник! – Ты молишься Христу! – Ты мерзостный язычник! – Ты любишь Ленина! – Ты требуешь царя! – Ты гнусный либерал, по чести говоря! – Ты вообще жидок: я видел паспорт теткин! – Какой-то ты брюнет. – А ты какой-то Поткин! – Возьмем ли мы шкура? – Мы не возьмем шкура! Быть русским, в сущности, – ощущать слона: вот хобот, вот нога, вот пара глазок милых, но что такое слон – сказать никто не в силах. И все цепляются за органы свои: одним – ЭР О ЭС ЭН, другим – Дэ Пэ Нэ И.

В московской мэрии одна пресс-секретарша сказала, что пройдет четыре русских марша. Но мне-то кажется, Господь, меня прости, что надо собирать не менее шести, а то и более. Не надо рамок узких! В России множество разнообразных русских, от нищих до владык, с пеленок до седины, и каждый думает, что русский он один! Была тенденция – для нас она не внове – тех русскими считать, кто больше хочет крови; критерий, может быть, действительно хорош, но их и на один проход не наберешь. Так пусть же по Москве в российский день единства десятка два колонн, чтоб каждый убедился, как волны к берегу, как войско на прорыв, идут с хоругвями, движенье перекрыв. Одни поют псалмы, другим хватает плачей, одним поет Кобзон, другим же хор казачий; одни, советский гимн горланя в три горла, несут багряный флаг, другие же – орла; одни хотят царя, другие же – парламент, и к Родине любовь во всех очах пылает, и каждый думает, горланя русский гимн, что Родину свою не даст любить другим! Не нужно посягать на русскую свободу – но важно, чтоб они не встретились по ходу: ведь русским русские, привычно всех деля, по-русски русского навесят звездоля! Другьям Отечества угрюмо-низколобым легко меня назвать презренным русофобом, – но, думаю, Гомер, Алкей, да и Сафо б носили бы у них отметку «русофоб».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.